

НАШИ ТАМ

ВТОРОЙ ШАНС

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

СПЕЦ

Наши там (Центрполиграф)

Владимир Поселягин

Спец

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Поселягин В. Г.

Спец / В. Г. Поселягин — «Центрполиграф», 2019 — (Наши там
(Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08586-3

Кирилл Крайнов оказался в крайне незавидной ситуации, захотел изменить историю, и стало ещё хуже. Тогда он решил продолжить активное вмешательство, надеясь исправить обстановку, но что из этого выйдет, мы ещё посмотрим. По крайней мере, Кирилл не из тех, кто отступает или бросает дело на полпути. В формате pdf.a4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08586-3

© Поселягин В. Г., 2019
© Центрполиграф, 2019

Владимир Поселягин

Спец

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Поселягин В. Г., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Потянувшись, я развёл руки, подняв их на ширину плеч, и сделал несколько гимнастических упражнений, продолжая наблюдать со второго этажа бывшей школы, а сегодня армейского тылового госпиталя, как идёт разгрузка трёх машин. Привезли с санитарного эшелона новеньких. Уже наступила осень, середина октября, бойцы и командиры ходят в шинелях да телогрейках. Снаружи моросил дождик, а у нас ещё ничего, тепло. Вдали а мутным от стекающей воды стеклом и каплями дождя виднелись тёмные крыши домов Москвы. Да, меня отвезли в Москву. Сейчас расскажу, как дело было.

В общем, последствия первого взрыва защита погасила, а вот второго приглушить не смогла, тем более и оставалось там заряда процентов пять в накопителе. Я не знаю, что сделал медальон защиты, теперь и не узнаю – сторел он, оплавившись, вон на груди остался след ожога, но частично он меня спас. Ни контузии, ни серьёзных травм, кроме одной: ногу мне собирали по кусочкам, причём по закону пакости именно ту, что у меня была повреждена в прошлой жизни. Пострадали и малая, и большая берцовые кости. Ладно хоть, коленный сустав целым остался, врачи сказали, ходить смогу, даже быстро, а вот бегать – увы. В общем, стала моя нога короче на пять сантиметров, и меня ожидала медицинская комиссия, что спишет меня из армии. Это особо и не скрывалось, да и я всё прекрасно понимал, сам в этом разбираюсь.

Ногу мне, скорее всего, отрезали бы, тут валом раненые, кому захочется возиться с очередным поступившим, пусть тот даже и командир? Однако, к счастью, очнулся я, ещё когда меня перевозили, с шиной на ноге и в бинтах. В медсанбате смог уговорить местного военврача связаться с нашим госпиталем, и меня отправили туда, – а там уже и Анна ждала, – где мои друзья-хирурги и поработали. Ну а когда меня отправили в тыл, ранение-то тяжёлое, Анна, получив разрешение, отправилась вместе со мной. Перевелась, если проще. Она сейчас тут же проходит службу, в госпитале, где я сейчас лежу. Жена. Мы поженились месяц назад, официально, к нам сюда сотрудник ЗАГСа приезжал, главврач всё устроил. Я рад, и жена тоже. Чудо она у меня. Сняла комнатку неподалёку, готовит вкусности, в основном пирожки, и приносит. Деньги есть, я даю, мол, скопил, а то цены сейчас в Москве ого-го!

По поводу магических амулетов: потерял я только амулет защиты, как его ни было жаль, остальные снял, убрал в сидор и отдал его Анне на хранение. В первое время чуть не возникла проблема со мной: документов-то нет, как оформлять? И я незаметно достал из кольца своё командирское удостоверение, решив проблему. А иначе меня точно комиссуют. Сейчас у меня вся правая нога до паха в гипсе, третью неделю только начал ходить на костылях, а как их снимут, вызову сапожника, и тот снимет мерки и сделает обувь, для правой ноги – с высоким каблуком. В этом случае я смогу ходить, пусть с лёгкой тросточкой, но вполне свободно. Опыт-то есть.

Ну а насчёт планов, то я уже успел их обдумать, времени-то было вагон и маленькая тележка, хотя, откровенно скажу, мне было чем заняться, но об этом после. Так вот, я уже всё обдумал и, проанализировав ситуацию, вот что решил. Война хоть и идёт с заметными различиями, чем в моей истории, но не так и сильно. Просто немцы где быстрее захватывали какие-то города, а где-то с этим тянули. Например, Ленинград в блокаде был всего две недели, и оттуда до этого момента много что успели вывезти. В остальном так же. Киевский котёл тоже был, недавно немцы его окончательно переварили, но всё же не все войска там успели захлопнуть, где-то около трети вырвались. Именно они и создали тонкую цепочку обороны, которую немцы раз за разом рвали, двигаясь к Москве. Дивизии ополчения, как и в моей истории наспех сформированные, вставали на местах таких прорывов, погибая, но останавливая немцев на какое-то время. Однако, судя по рассказам новичков, а слухи по госпиталю так и ходили, я смог понять, что немцы будут у Москвы раньше, чем в моё время, а там и до городских боёв недалеко. Это если сибирские дивизии не подспеют. Не хотелось бы оказаться среди этой мясорубки, да ещё в таком малоподвижном состоянии. Поэтому, проанализировав всё, я вот что решил. После выписки или, точнее, после того, как госпиталь будут эвакуировать дальше в тыл, как немцы подойдут к Москве, отправлюсь с ним. Не хочу Анну из виду терять. Потом я планировал комиссоваться, отправиться в какой-нибудь городок, например, меня вполне устраивала Казань, крупный тыловой город, сдать в местном институте все экзамены на врача, приобрести домик и, устроившись в больнице, обычным врачом, перетянуть жену к себе. Так же по военной службе. Правда, не знаю, получится что или нет. Ладно наш армейский госпиталь, оттуда Анну отпустили, несмотря на нехватку врачей, понимали ситуацию, а вот отсюда могут и не отпустить. Правда, была у меня одна мыслишка, беременность поможет, но я пока оставил её на потом.

По поводу амулетов, ладно те, коими я пользовался до ранения, все они при мне, сейчас речь о той цепочке с украшениями-подвесками, которую я нашёл у коллекционера в Минске. Единственная моя находка у немцев в тылу. Когда я немного отошёл и меня уже перевезли в Москву, я попросил Анну вернуть часть вещей, и она так и не поняла, куда они у меня делись, а когда обмывала меня, даже не поняла, что они на теле, она их не видела. Могла бы нащупать, но рисковать я не стал, руки сам обмывал. Около трёх дней я пытался понять, что это за амулет, работая преимущественно с наступлением темноты, чтобы соседи не видели. Я не был привилегированным ранбольным, общая командирская палата на три десятка коек, и одна из них моя. Цепочка не была шейной, как я поначалу думал, хотя по длине и похожа. Однако застёжки на ней не было, а голова в неё не пролезала. Но я попытался, вдруг растянется? Не вышло, зато я смог вступить с амулетом в контакт. Как оказалось, он работал только на голове, причём в таком положении, когда обе металлические пластины-подвески закрывали виски. Как диадема, но только из цепочки. Точно не скажу, но предположу, что это эксклюзивная модель, сделанная в единственном экземпляре или малом количестве каким-то магом-артефактором.

Если проще – это амулет-помощник. Буквально. Работал он левитацией, то есть способен дистанционно работать с предметами. Как грузчик или магический помощник. Поначалу я предположил, что он входит в комплект амулетов магического ювелира или артефактора, но нет, амулет явно не терпел конкуренции. Да и не мог амулет из комплекта того же артефактора

работать на дальность в километр, а этот именно такой был. Я за эти два месяца успел всё изучить, что вокруг в городе происходило. Даже предотвратил четыре изнасилования, семь десятков краж, из них две трети уличные, остальные в квартирах, ну и остальное. Всё, что в моих силах, то, что успевал заметить. Тем более Анна сняла комнату рядом и была под моим постоянным присмотром, о котором я ей, конечно же, не сообщал.

Самое главное, амулет способен распараллеливать сознание на сорок пять потоков, и каждым потоком я мог работать как одной рукой. Сорок пять магических рук-помощников. Когда разобрался, я чуть не ошалел от радости, ну и от скуки стал активно тренироваться с амулетом. А тренироваться нужно было, требовались умение и опыт им пользоваться. Поначалу я мог стабильно держать шестнадцать потоков, но за два месяца активных тренировок поднял до двадцати девяти. Сегодня утром смог вытянуть до тридцати и пока остановился, нарабатывая опыт. Кстати, я могу дистанционно завести машину и, управляя ею, отогнать в другое место. У двух угонщиков так машины отобрал, а их, ничего не понимающих, выбросил из кабины.

То, что я набрал техники, главное, танков, – это в плюс. Уже сейчас могу сформировать экипажи для шести танков, это я о тридцатьчетвёрках, или для пяти КВ. Да и с авиацией так же. Важно эту технику освоить, а то я её не знаю. Цепочка у меня постоянно на голове, всё равно её не видят, снимаю, только когда с койки встаю, а так штука нужная. В будущем я её в шапку планировал вделать, удобно. А то постоянно опасаясь, что Анна проведёт рукой по моим волосам, иногда так делала, – и нащупает её.

Как бы то ни было, но я активно шёл на поправку, причём такими темпами, что врачи дивились. Да и я слегка был удивлён, тоже в теме, понимаю, что с такими ранениями несколько месяцев лежат. Я должен был ближе к Новому году начать ходить, а тут в конце сентября стал аккуратно шастать по палате, пережидая приступы головокружения от долгого лежания, а потом уже и по коридору шаркать тапкой на левой ноге да постукивать костылём. Сначала было тяжело, а потом ничего, расходился. В палате нас шестеро ходячих, сестричек позвать или врача, воды поднести попить – это к нам. А причина такого скорого выздоровления мной была найдена. Я точно не уверен, но как-то другого ответа не было. А это то вино из магической фляжки. Я тут привык его по утрам и вечерам по пятьдесят грамм пить, для поднятия тонуса, да и крови сколько потерял, и, возможно, именно оно дало такой эффект. Что я о нём знаю? Вот к таким выводам я пришёл после довольно долгого анализа. Причём я не жадничал. Остальные парни в палате тоже получали вино, жена разливала, я его в обычной фляжке хранил. Она постоянно дивилась, что фляжка у меня каждый раз полная. Ещё бы, я её по ночам пополнял. И у других парней тоже были заметные улучшения, даже у летуна, который сильно обгорел. По крайней мере, по ночам он перестал стонать и скрипеть зубами, корка стал отпадать, и зарозовела молодая кожа. Правда, пришлось всё это прекратить, главврач как-то узнал, да и особист госпиталя тоже, нагрянули на днях. Опросили, отобрали у меня фляжку, к счастью, простую, армейскую, с остатками. Особист перевернул у меня все вещи. Но остался ни с чем, сообщил, что вино трофейное.

Причём ругались оба, чуть мне статью не пришили. Я уж потом понял, в чём дело. У одного из парней в палате, капитана-артиллериста, которого недавно привезли, гангрена началась, а с винца всё прошло. Ещё в нашем госпитале чин лежал с таким же воспалением, тут имела генеральская палата, вот капитана к нему и поместили. Как я потом узнал от медсестёр, остатки вина ему и споили. Есть улучшения или нет, не знаю, это всё три дня назад произошло. А сам чин из политрабтников был, корпусным комиссаром. Это что-то вроде генерал-лейтенанта. По два ромба в петлицах. Этот тип мне сразу не понравился. Недельку как в госпитале – и бабу захотел. Причём физически он мог, ранения ног позволяли. Используя амулет-помощник, я с изумлением подслушал, как он отдал адъютанту приказ доставить ему женщину. Так прямо и сказал. Сразу видать, сам из простых рабочих или крестьян, дорвавшихся до власти, привык

матом общаться. Адъютант от него мало чем отличался, видимо, комиссар подбирал себе под стать, и этот мордovorот выбрал медсестру посимпатичнее, втихую, без свидетелей, приставил к её виску пистолет, пояснив, что от неё требуется. Однако у него и привычки ухаживать за девушками... А та и мужчин-то ещё не знала, вот я и решил её спасти, и мне это удалось. Когда девушку завели в палату и та, плача, начала раздеваться, я просто сломал член этому комиссару, который в стойке был, не так и трудно оказалось. Ох как мужик орал, и винить-то никого, кроме себя, не мог, сам его в руке держал. Я хоть обезопасил медперсонал и свою жену. Адъютант комиссара на неё поглядывал, жена-то у меня видная, но возможности уединиться у битюга не было, а все попытки познакомиться Анна игнорировала, вот тот и переключился на медсестёр. Правда, осторожно, главврач на него наорал, да и та девушка ему пожаловалась. Главврач и сам пытался избавиться от комиссара, перевести в ведомственный госпиталь, но там открещивались, мол, мест нет. Видимо, знали этого кадра и иметь с ним дел не хотели. Осталось вылечить его побыстрее и отправить обратно к месту службы. Именно поэтому он так в моё вино и вцепился.

Но особист меня беспокоил больше. Не во всех госпиталях имелись особисты, обычно вербовали кого-то из персонала, и они, так сказать, несли параллельную службу, докладывая о разных случаях. Однако тут не повезло, был настоящий, который также был на должности начальника архива. Так вот, больно уж тот копать стал, как началась эта история с вином: откуда, кто приносил, ну и остальное. Напрягал изрядно, за эти три дня успел достать до печёнок. Такое впечатление, будто его накрутили сверху, и он отработывает меня, чтобы выбить информацию, откуда взялось это вино. Хотя, может, и сам инициативу проявлял, чтобы отметить у начальства, тот ещё карьерист. Я уже серьёзно планирую свернуть ему шею, причём подальше от госпиталя, чтобы подозрения не навести, но этот гад и служит тут, и живёт. Ничего, я что-нибудь придумаю. Вон он дважды на машине уезжал, её а ним присылали, и один раз он пешком вернулся. Плохо, я засёк это, когда особист уже на территорию госпиталя проходил, не успел перехватить и сделать видимость нападения криминалитета, но надеюсь, такой шанс мне ещё представится. А что? Думаете, мне его жалко? Да несколько, этот ради карьеры и по трупам пойдёт или по судьбам тех, кого за решётку отправит, а виновны они или нет, ему наплевать. Та ещё чёрная душонка.

Закончив уже привычную зарядку у окна, я положил на подоконник гантель. Мне её Анна принесла, но одну, второй в той комнате, которую она сняла, просто не было. В другой руке у меня был графин, полный воды. И, потянувшись, я с придыханием сказал:

– Эх, не могу смотреть, как люди работают... Пойду полежу.

От моей явно неожиданной реплики кто-то из парней хмыкнул, хотя некоторые и старше меня были, но тут мы запанибрата общались, кто-то засмеялся. А я сначала разлил из графина воду по поилкам, двоим дал сразу напиться, это моя обязанность на этой стороне палаты, надо же девчатам помогать, после чего, устроившись на кровати, руками помогая поднять загипсованную ногу, поставив костыль в головах, уже привычно проверил, какая ситуация в госпитале и в городе. Анна спит после дежурства. С ней всё в порядке. В городе ситуация обычная. И я подробнее занялся госпиталем. Двое умерли, не выдержали тяжёлых ран, трое стабилизировались. У одного гангрена пошла, готовят операцию, будет ампутация – это плохо. Однако из-за действий особиста приходится сидеть тихо, да и вино уже вряд ли поможет, слишком далеко зашло. Комиссар у себя в палате с шиной на прооперированном члене, адъютант рядом с перебинтованной грудью и плечом в гипсе. Вчера разозлил меня, слишком к девчонке одной приставал, видать, думал, что он такой неотразимый, уже хотел утащить в укромный уголок, да та отбилась с моей помощью. Здание тут трёхэтажное, бывшая школа, которую отдали под госпиталь. Палата генеральская на третьем этаже в бывшей учительской, наше крыло, где палаты с командирами, на втором, тут же и Анна работала с парой врачей, ну и когда адъютант решил покурить и начал спускаться, я и поставил подножку. Рядом никого, будто тот сам споткнулся,

и в результате падения выбил плечо из сустава, правильно падать он не умел – одно сломанное ребро и в двух трещины. Хорошо ступеньки пересчитал. Мне кажется, весь женский персонал вздохнул с облегчением, когда всё это случилось.

Я не говорю, что девчата, пошедшие в армию медсёстрами, или местные помощницы, прям недотроги, хотя большинство были именно такие, но имелись и те, которых можно уговорить, и уговаривали, лихие парни из фронтовиков пользовались популярностью, но этих невзлюбили конкретно, особенно когда Тонечка, та самая медсестра, которой пистолетом угрожали, об этом случае рассказала. Теперь адъютанта третьей дорогой обходили, да к комиссару заходили вдвоём и только когда зовут. Хорошо, Анна там не работает.

В одной из палат на втором этаже, через три от нашей, трое политработников отмечали выписку. Вот, кстати, палата большая, а лежали втроём, привилегированные, это уж точно. Причём двоих выписать можно было ещё пару недель назад, так нет, они третьего ждали. Из одной армии были, решили вместе возвращаться. И сейчас, где-то достав водку да закуски, заперлись в палате и нажирались. Госпиталь завтра покинут, форму уже получили. В принципе, не возражаю против такого отчисления, главное, чтобы пристойно себя вели и их вечеринка не выплеснулась за пределы палаты. Потренировавшись в использовании амулета-помощника, несколькими «руками» я на складе поднимал и опускал вязанки нательного белья, тренируя использование, другими в шести стоявших в разных местах машинах делал вид, что управляю, крутил рулём, переключал передачи и нажимал на педали. Нормально, с некоторым трудом, но тридцать параллельных сознаний работали, и это хорошо. Потом потренировался в стихиях, например, почистил тело от грязи, поправил матрас, не обращая внимания, что лежу на нём, ну и так, по мелочи. Помедитировал и решил, что пора прогуляться. Лечащий врач разрешил мне это делать, но только осторожно. Надо новичков навестить, тем более ажиотаж вокруг них схлынул, другие любопытные, получив информацию, разошлись, можно и мне навестить их.

Сев, я взял костыль и, встав, сообщил сопалатникам: – Пойду к новичкам, узнаю свежие новости.

– Узнай, как там Тула, держится или нет, – попросил старлей-танкист, который как раз из Тулы был и очень беспокоился, что его город практически в осаде.

– Две недели уже оборону держат, – вздохнул я. – Хорошо, узнаю.

Я сунул в карманы по несколько яблок и груш из своей тумбочки. В ней-то у меня с десяток их лежало, и множество – в браслете было. А что, левитацией владею, вот и обобрал сады на километр вокруг, всё равно мало кто их собирал. В результате с полсотни мешков витаминов теперь было. Причём не только яблоки и груши, но и вишня, и смородина. Правда, засветил я пока яблоки и груши, жене сказал, мол, знакомые принесли. И теперь, обходя раненых, оставлял у кого яблоко, у кого грушу и расспрашивал новичков. Мне охотно отвечали, уничтожая фрукты. Из моей армии новоприбывших не было, да и вообще из нашей Четвёртой в госпитале всего трое были, считая меня. Все комиссию не пройдут, спишут на гражданку, как и меня.

Вернувшись в свою палату, я рассказал парням новости:

– Тула держится, хотя и тяжело приходится. Калуга пала, наши отходят, немцы давят. Неразбериха там. Один из новеньких оттуда, пулемётчик стрелкового полка. Насчёт Твери слухи оказались правдивы, двое с той стороны прибыли. Пала два дня назад, наши отходят, хотя вроде на реке их притормозили. Ситуация там непонятна. Крым сдали, говорят, немцы наших в Чёрном море топили, столько пленных было...

– Может, врут? – спросил обгоревший летун Сергей.

– Морячок там из Новороссийска, каплей, от него информация.

– Что ещё? – спросил капитан.

– О сдаче Харькова вы знаете, неделю назад немцы его оккупировали, но пока дальше не двинули, резервы подтягивают, потери у них большие вышли при захвате города. Наши этим пользуются, километрах в тридцати от него укрепляют оборону. О Ленинграде тоже знаете, в

блокаде, плохо там всё... В Одессе немцы уже месяц сидят, об остальном новички не в курсе, тоже слухами живут. Кроме морячка, все с местных фронтов, многого не знают.

– Да, держатся наши, – вздохнул капитан.

Лёжа на боку, я включился в полемику, обсуждая ситуацию на фронтах, и она никого не радовала. Скучно было, вот и чесали языками, по несколько раз перетирая услышанные события. Недолгая удача наших войск под Ельней, она и тут была, не сильно порадовала. Всё равно выжать из этой операции максимум наши не смогли и упустили немцев из колечка. Пусть те всю технику и тяжёлое вооружение бросили, но главное – люди. И как бы Политуправление ни превозносило эту операцию как величайшую победу, мы-то понимали, что всё закончилось пшиком. Вон, артиллерист был оттуда, так что информация из первых уст.

Мы как раз поужинали – всего одиннадцать из всех, кто лежал в нашей палате, могли делать это самостоятельно, и я в том числе, остальных кормили, – когда к нам заглянула Аня. Она была в белом приталенном халате и шапочке, смотрелась чудесно. Чёрт, я ведь действительно люблю свою жену. Её приходу я искренне порадовался, хотя и вижу её каждый день. Она чмокнула меня в губы, это максимум, что можно было ждать от неё при свидетелях, и присела ко мне на кровать. Мы немного поговорили, и Анна стала обходить остальных парней, всем мерила температуру. У танкиста оказалась повышенная, как бы не воспаление, и Анна велела взети его в процедурную, будут снимать бинты, смотреть, что с ранами.

Вроде бы обычный вечер в госпитале, даже обошлось без воздушного налёта из-за непогоды, но часов в девять вечера в палату забежала санитарка.

– Кирилл, там к твоей жене эти пристают, что завтра уезжают. В палату ещё затащили, а главврача ударили, когда он пытался Анну Андреевну защитить. Нос разбили. Револьвером угрожали.

Меня аж перекосило от этого известия. Парни заматерились, кто-то застонал. А Василий, лейтенант-разведчик, лежавший весь в гипсе – у него парашют не полностью раскрылся, – завозился и рухнул с кровати, явно собираясь ползти к двери. Санитарка ахнула и кинулась к нему. А я пришёл в такую ярость, что был готов на безумные поступки, но всё же некоторая частица твёрдого расчёта у меня присутствовала. Поэтому, сунув руку под подушку, достал амулет-помощник. Причина, почему я стал не постоянно его носить, имелась веская. Да, на нём тоже были чары отвода глаз, и никто амулет не видел, но вот следы от него – вполне. Бывает так: долго шапку носишь, а когда снимаешь её, остаются кругом прижаты волосы. Наверняка ведь у многих это замечали. Вот и амулет, хоть и скрыт, но волосы прижимает. Сам я этого не видел, а у соседей вопросы стали возникать, оттого и стал таиться. Хорошо, меня недавно постригли, и на голове короткий ёжик, но всё равно видно. А снимаю я амулет в присутствии посторонних довольно просто: делаю вид, что провожу рукой по волосам.

Надев амулет, всё равно никто не поймёт, что это я с головой делаю, хотя ранее так открыто его не надевал, я подхватил костыль и, грохоча им, направился к двери под причитания санитарки, одновременно изучая обстановку в палате у этих трёх уродов, у которых зачесалось кое-где, а в руки попала моя жена. Там вдруг приглушённо хлопнул выстрел. Я успел заметить, что, пока двое пытались раздеть Анну, бившуюся в их руках, стараясь вырваться, третий целился из ТТ в сторону двери. Просто отлично. Он удивлённо моргнул, когда ствол его пистолета, направленный выше голов, просто для испуга, вдруг слегка опустился и дёрнулся в повторном выстреле. А в дверях-то стоял особист, присланный туда главврачом, да трое бойцов, из тех, что были записаны как ограниченно годные, если проще – им по пятьдесят лет было, с винтовками – вся охрана тылового госпиталя.

Пуля, выпущенная мной с помощью амулета, попала особисту точно в лоб. Не мог я не воспользоваться такой возможностью, достал. Хозяин пистолета мгновенно протрезвел от осознания того, что случилось, а в это время пистолет, выкручивая его запястье, под мат полного ужаса стрелка снова загрохотал выстрелами. Это офицер в упор расстрелял двух подельников,

потратил два патрона на одного и три на другого, с гарантией пристрелил. Под визг стрелявшего, который пытался остановить взбесившееся оружие, я заблокировал ему левую руку, и ствол ткнулся ему в висок. Прозвучал последний выстрел. Ну вот и всё. У дверей своей палаты я сделал вид, что от эмоций поскользнулся и упал, санитарка теперь бросилась ко мне, зовя коллег на помощь, чтобы поднять меня, но алиби у меня теперь стопроцентное.

А через минуту я уже обнимал и успокаивал Анну. Она сидела у нас в палате, рыдая мне в пижаму, а я гладил её по спине и обдумывал проблемы, которые могут свалиться на жену. А ведь её могут сделать крайней. Для местных спецслужб, особенно удальцов из политуправления, не важно – кто, главное – назначить виновного. А раз жена была в палате, когда это всё случилось... Надо думать. Отдавать жену на растерзание я и не подумаю. Если они захотят войны, они её получат. Поверьте, я использую все возможности, но не дам её в обиду, а возможностей у меня немало.

Одновременно я амулетом-помощником вскрыл сейф особиста, достал папку, которую он на днях завёл на меня, и через форточку, левитируя, вынес на улицу. Там она мгновенно промокла под дождём, после чего я сбросил её в дымовую трубу котельной, где вскоре папка превратилась в пепел. Ладно, время покажет, чем эта история закончится.

С некоторым трудом мне удалось успокоить жену. Парни – кто молчал, сочувственно сопя, кто словами пытался пожалеть. Правда, в тоне так и проскальзывала ярость в сторону наглецов. А когда пронёсся слух, что один из них сошёл с ума и начал расстреливать всех вокруг, тон сменился на удивлённый. Я же, прижав жену к себе и убедившись, что она перестала дрожать, тихо зашептал ей на ушко:

– Сиди, внимательно слушай и запоминай. То, что случилось с теми уродами, – это кара, но сейчас не об этом. Погибли работники политуправления, значит, будет следствие, а у следователей одна забота: не искать, кто виноват, а назначить виновного. Для них ты – идеальный вариант, была в палате. Если главврач не струсит, он тебя прикроет, тогда проблем не будет. Просто запомни: я хоть и лежу в госпитале, но у меня тоже есть возможности. Если тебя пригласят в машину, чтобы проехать в управление, значит, тебя списали, отобьют всё, что можно, сама признаешься и всё подпишешь. У меня знакомцы есть, я же детдомовский, из Ленинграда, встретил тут парней из банд, дам сигнал, и они будут караулить снаружи. Когда тебя повезут, они перехватят. Ты их не увидишь, даже не крути головой, просто прими это как факт. Запомни: если вдруг зазвучат выстрелы, и все, кто с тобой будет в машине, погибнут, сразу открывай дверь и уходи в снятую комнату. Собери вещи и оденься в гражданскую одежду. Сними другую комнату, деньги у тебя есть. Там свяжемся друг с другом, я дам новые инструкции. И ничего не бойся, я с тобой и никогда тебя не брошу и не отвернусь. Я не прощу только предательства, но я в тебе уверен, как в себе.

Анна только крепче прижалась ко мне, сосредоточенно сопя. От её волос шёл аромат яблока, сводивший меня с ума. Это от трофейного шампуня, пузырёк которого я подарил жене на день рождения, ей двадцать три исполнилось, у меня его целая коробка, из Минска. Конечно, вот так вываливать на неё всё сразу после пережитого не стоило бы, но Анне надо понять, что она под моей защитой и я помогу всегда, пусть будет уверена во мне.

Когда прибыли следователи, и из НКВД были, и из политуправления, и из комендантуры столицы, я стал ожидать оргвыводов. Как ни странно, прояснилось всё довольно быстро, правда, пришлось посетить кабинет главврача. Было забавно видеть его с повязкой на лице, нос ему таки сломали. Оказалось, он был в курсе, что жена планировала отправиться со мной, а терять сотрудника при кадровом голоде не хотел, вот мы и пришли к соглашению: он её прикроет, но она обязана остаться в его госпитале до конца войны, ну или пока не найдётся замена. Я ещё вытребовал условие по поводу беременности: три месяца на декрет, а потом она вернётся к службе. Главврач скривился, но согласился. На этом мы и ударили по рукам. Нас

обоих устраивали условия, жена при этом была больше сторонним наблюдателем, полностью отдав переговоры в мои руки.

Главврач условия выполнил полностью. Этот старый коммунист нажал на нужные рычаги, так что Анна была потерпевшей, а я, как муж, мог присутствовать при её опросе. Всё списали на сумасшествие того стрелка, который всех положил, усиленное алкоголем. В общем, пьяные пострелушки, бывает. У многих взяли подписку о неразглашении, у Анны тоже, и на этом всё. А в освобождённой и отмытой палате уже устраивались новые жильцы, шесть коек поставили. Анна не стала уходить, хотя ей и разрешили, чтобы прийти в себя, и продолжила эти сутки дежурства. К себе в палату я вернулся за полночь и уснул. Да уж, тяжело день закончился, но, к счастью, всё же благополучно, и даже с некоторыми плюсами. Для меня, по крайней мере. Да и почему мне было не воспользоваться моментом? Вот я и воспользовался.

Следующая неделя прошла нормально. Сегодня утром мне сняли гипс и, осмотрев на ноге швы, обработали их и отправили меня на рентген. Стараясь не наступать на всю в красных полосах шрамов и точках от швов ногу, которая казалась мне жутко худой и бледной, стуча костылём, я добрался до нужного кабинета. Изучив снимок, хирург велел мне побольше ходить, но ногу беречь, а гипс больше не нужен. А ещё через неделю, второго ноября, собралась очередная медицинская комиссия, которая, осмотрев меня, постановила: списать и выдать справку об инвалидности, чтобы я мог получать военную пенсию.

К выписке меня стали готовить через три дня, пятого ноября, и я постепенно стал собираться. Заказал сапожнику три пары обуви. Первая – обычные чёрные ботинки для весенне-осеннего сезона, которые подходят для повседневной жизни и практически к любой одежде, даже к форме. Потом – лёгкие летние туфли, тоже чёрные. Ну и унты, зимняя обувь с меховым голенищем до колен. Вся обувь, естественно, с высоким каблуком под правую ногу. То есть я сделал заказ на все сезоны, чтобы обувь была в наличии. Надо ему ещё домашние тапки заказать, тоже вещь нужная.

Теперь о форме. Красноармейская, в которой меня в немецкий тыл отправляли, пришла в негодность, да и осталась в том медсанбате. Однако моя командирская форма осталась при мне, тем более на френче награды были прикручены, да и шинель по размеру имела. И я сказал жене не подбирать мне на складе форму по размеру, мол, всё есть, мою старую привезли. И когда наступил день выписки и мои документы были готовы, я сходил в туалет и, пока там никого не было, достал из браслета форму, правда, пришлось срезать петлицы и снять с фуражки звезду, и вернулся в ней, глухо постукивая тростью, которую изготовили мне недавно в столичной мастерской. Лаком ещё пахла.

Я попрощался с парнями, забрал нехитрые вещички и, прихрамывая, направился к выходу, по пути благодаря за заботу медперсонал. Аня отпросилась сопровождать меня.

Мы пока будем жить в комнате, которую она снимала, хотя жена в курсе, что я планировал приобрести домик де-нибудь на окраине, но с той стороны, что подалеже от приближающихся немцев, а они за эти недели существенно приблизились к Москве. Выйдя на крыльцо бывшей школы, я осмотрелся и вздохнул. Снова дождь, ледяной. Хотя идти всего метров четыреста, но мокнуть не хотелось. Я был в шинели. Когда началась непогода, я вынул Ане из кольца свою плащ-палатку, и она в дождь закутывалась в неё. Вот и сейчас была в ней. Эх, жаль, ни одну из машин достать не могу! А у меня среди легковых было с два десятка разной трофейной техники, включая пару итальянских с открытым верхом – всё добыто в Минске, угнал у оккупантов, и ключи имелись, – и несколько советских машин. Пара фаэтонов и три эмки – чёрная и две армейского зелёного цвета. Одна из армейских была в виде вездехода, модели ГАЗ-61, и выше других. А чёрная, между прочим, из той брошенной колонны, где было две зенитки и два броневика. Почему её не перекрасили, не знаю, но предполагаю, что просто не успели, реквизировав из какой-то организации на нужды армии. И сейчас она пригодилась бы,

тем более заправлена и подготовлена мной к выезду. Это ещё когда я у немцев в тылу был, со скуки несколько машин привёл в порядок, чтобы использовать можно было. Конечно, трофейной техникой воспользоваться нельзя, сразу привлеку внимание, а вот советской почему бы и нет? Но не сейчас, Аня рядом, а я продолжал скрывать от неё информацию о магии. Не стоит ей об этом знать. Только в крайнем случае я расскажу о ней, в самом-самом крайнем случае. Поэтому мы вдвоём накрылись плащ-палаткой и двинулись.

Надо сказать, этот путь дался мне тяжело, если бы не Аня, пару раз точно навернулся бы. И у трости на конце имелась резиновая насадка, так что я уверенно опирался. Нет, точно машина нужна, тем более изрядно по городу помотаться придётся, выбирая себе дом. Ну а как машину залегендировать, я придумаю. Есть пара идей. Худо-бедно мы добрались до двухэтажного деревянного барака с коммунальными квартирами, где на первом этаже у старушки Аня и снимала комнату. Отопление в этом доме было печное, и на общей кухне печка стояла, туалет на улице, ванной не имелось, жильцы ходили в общественную баню, хорошо, что хоть водопровод был оборудован. Ничего, это ненадолго, уж я позабочусь. Аня, оказывается, ещё с утра готовилась – на столе накрыт под полотенцами праздничный ужин. Мы отправили сохнуть на печку шинели и плащ-палатку, отёрли от грязи обувь, и меня усадили за стол. Пригласили всех из коммунальной квартиры, кто был дома, – это наша хозяйка, двое соседей, ну и мы с Аней, остальные отсутствовали. Хорошо посидели. А после этого мы с Аней остались одни...

А ночью, пока она спала, я, накинув на плечи шинель, вышел во двор, в туалет, а потом на улицу и, пользуясь, что вокруг пусто, только на крышах некоторых домов дежурили наблюдатели-зенитчики, достал эмку зелёного цвета с армейскими номерами. Не ту, что полноприводная, больно уж она приметная, а обычную легковушку. Проверил машину и, заперев её, вернулся в дом. Это чтобы завтра утром при свидетелях машину не доставать. А так стоит припаркованная, и пусть стоит, ключи к ней у меня в кармане. Устроившись у жены под боком – ох и тепло! – я вскоре уснул.

Утром, быстро позавтракав остатками вчерашнего пиршества, Аня чмокнула меня в щёку и упорхнула на службу. У неё сегодня ночного дежурства нет, поэтому в восемь часов надо её ждать, и я, как примерный муж, должен её встретить, обогреть, накормить и спать уложить. Я взял на себя такие обязанности, то есть, пока жена служит, домашнее хозяйство на мне. Проводив жену, я облачился в форму, надел ремень с кобурой «парабеллума», вернул на фуражку звёздочку и вышел к машине. Со второго раза запустив движок и давая машине прогреться, я попытался тряпочкой убрать со стекла лёд, а то за ночь машина превратилась в ледяную скульптуру.

Когда я наконец выехал на дорогу, то немного покрутился по улицам и добрался до здания горвоенкомата, откуда меня и призывали на срочную службу. Тут все сменились, никого из знакомых не увидел, но всё решили быстро. Вернули мне паспорт, забрав командирское удостоверение и выдав взамен вроде военного билета, где было указано, что я комиссован по ранению, а справку из госпиталя вложили в личное дело. Покинув здание военкомата и снова прогрев машину, я покатыл в сторону окраин столицы, ничуть не смущаясь, что документов на машину у меня нет, но пока не останавливали, да и не заметил я, чтобы такой контроль уж был.

Сначала притормозил у газетного киоска, накупил галет и, устроившись на заднем сиденье продолжавшей тарыхтеть мотором машины, чтобы работала печка, изучил объявления о продаже домов. Желательно с большим приусадебным участком и сараем. Ну да, мне амбар нужен, чтобы в нём постепенно приводить в порядок технику. Я не говорю об авиации, имею в виду авто- и бронетехнику. У меня половина танков без боекомплекта со снятыми пулемётами и без топлива. Ещё о техобслуживании помянуть стоит. Хорошо, на складах, на которых немцы собирали трофейное вооружение, были танковые пулемёты да и прицелы к пушкам. Было чем снаряжать. Главное, было бы где. И будет чем время занять. Так что амбар был необходим.

Анна, конечно, интересовалась, откуда у меня деньги на покупку дома, я ответил, что заработал. А что? Я не соврал, трофеи действительно честно заработанные.

К моему удивлению, объявлений о продажах домов хватало. Видать, бегут жители из столицы. Думаю, чем дальше, тем больше их станет. Отметив несколько адресов, я перебрался на место водителя и покатил по первому. Мотор моей ГАЗ-М гудел ровно, новенькая машина, этого года выпуска с нововведениями, вентилятор стоял мощный, не все экземпляры могли им похвастаться. Видимо, до того, как машина была брошена, на ней ездил высокий армейский чин, да и улучшенная отделка салона на это намекала. Плавный ход мне тоже нравился. Управление слегка дубовое, но я быстро приноворился. Вообще эмки были в основном чёрного цвета, что на гражданке, что в армии, но после начала войны все армейские легковые машины быстро перекрасили, наводя маскировку. Эта машина также была перекрашена, и очень качественно: когда я проезжал армейский пост, на меня даже не взглянули.

Дом, который мне понравился, был аж одиннадцатым из тех, что я посетил. Это был крытый железом крепкий пятистенник, не обшитый, с тёмными от времени брёвнами на каменном фундаменте. Пять окон смотрели на улицу, два – во двор, одно большое кухонное – на соседнее подворье, и два окна выходили в огород. Впереди были зал и спальня, отделённая крепкой стеной из брёвен, всё это топила одна печка. Кухонная печка отапливала вместе с кухней сени, где тоже можно спать. В целом же помещения просторные, спальня хозяев, зал, кухня и сени, общая площадь – сто сорок квадратных метров, вполне прилично. Даже не только водопровод и канализация имелись, но и тёплый туалет, не придётся на улицу бегать, хотя и там «скворечник» стоял. Однако душа не было, я уж не говорю про ванную, но при доме была выстроена банька, ещё довольно свежая.

Солидный огород с колодцем, огороженный двор и две хозпостройки. Одна – типичный скотник, совмещённый с деревянным сараем, другая – огромный амбар. Как рассказала хозяйка, её муж, погибший на фронте ещё в августе, был ремесленником, имел кооператив, создававший разные поделки и сдававший их государству. Мелкое производство. Да вот война. Честно сказать, я и не подозревал, что такие частные хозяйства, которые работали на государство, вообще существовали в это время. Но, оказалось, были. Не во всём государство может покрывать потребности своих граждан, оттого и разрешили такие мелкие кооперативы. Думаю, скоро запретят, не любят наши власть имущие конкурентов, особенно если они зарабатывать будут больше.

Амбар был пуст, из него всё вынесли, но так даже лучше. Как раз там два КВ-2 бок о бок встанут, и ещё место останется. Второго этажа не было, своды высокие – идеальное место для подготовки техники к боям. А я чуял, что она пригодится. Большие двухстворчатые ворота позволяли загонять внутрь разнообразную технику. Ну, двойки, возможно, по высоте и не войдут, а вот единицы запросто, включая остальные танки. Да, у меня ещё Т-35А есть с конической башней и поручневой антенной. Нашёл его на месте сбора трофейного советского вооружения, он в порядке был, на ходу. Его немцы подготавливали к отправке в Германию, куда-то в музей, только вооружение осталось установить и боеприпасами пополнить. Этим я тоже собирался заняться. Хотя этот танк я планировал оставить просто как экспонат. Также и из остальных моделей танков. Что-то меня на коллекционирование потянуло. Уж не знаю почему.

В общем, дом мне понравился. Его покупку отложили на завтра, договорившись встретиться утром. А возвращаясь к машине, я обнаружил, что ко мне направляется армейский патруль. Старший лейтенант, шинель которого перетягивали ремни, и двое бойцов с винтовками. Явно коменданчи, не спутаешь. Наверное, приняли меня за действующего военного. Ожидая их, я поглядывал вокруг. Неплохая улица, а чуть дальше проехать и повернуть – будет окраина Москвы и дорога на Ярославль. Чуть дальше – железнодорожные пути в ту же сторону, но шум составов сюда не доходил, значит, не будет будить по ночам. Старший патруля, подойдя, козырнул и представился:

– Старший лейтенант Никитин, комендантский патруль города Москвы. Попрошу ваши документы.

Достав из кармана френча документы, я протянул их старлею. Тот несколько секунд удивлённо изучал их, хотя и так было видно по трости, что я не совсем в порядке. Взглядом указав на кобуру, он поинтересовался:

– Откуда оружие? Никакой информации об оружии у вас в документах нет.

– Трофей, – коротко пояснил я.

– Можно?

– Да, конечно.

Расстегнув кобуру, я достал «парабеллум» и дал его изучить старлею. Возвращая документы и с некоторым сожалением оружие, он на миг задумался и потом поинтересовался:

– Скажите, лейтенант, как я понял, вы зенитчиком были. Где воевали?

– Ну да, командиром батареи. А воевал сначала в Западном военном округе, потом на Западном фронте после переименования. А в чём интерес?

– Да понимаете, там же в районе Минска у меня брат двоюродный воевал. Тоже зенитчиком был. Может, встречались? Лейтенант Сомин, командиром батареи был.

– Знал я одного Сомина, отчества не скажу, а звали Анатолием.

– Точно, Толик. А отчество у него Олегович. Вот посмотрите, это он?

Старлей достал из кармана своего френча портмоне и, достав фотографию, показал мне. На снимке были запечатлены два молоденьких лейтенанта, явно оба только из училищ, одним был стоявший передо мной старлей, а второй – Сомин.

– Да, это он, мой временный командир, – возвращая фото, подтвердил я. – Кстати, как он? Ранение, конечно, было тяжелое, но состояние вроде стабильное, должен был выжить.

– Не знаем, о ранении я сейчас от вас узнал. Пришло сообщение родителям, что пропал без вести. Я пытался выяснить, и удалось узнать, что пропал он под Минском. Спрашиваю иногда вот, бывало, в госпиталях заходил, интересовался, и никаких известий. А вы, значит, с ним в последнем бою вместе были?

– Получается, что так.

– Расскажите, я должен знать... Да и семье Толи отписать надо.

– Расскажу, почему нет? Главное, вам нужно знать, что лейтенант Сомин – герой, и этот факт не подлежит сомнению. Я сам, как единственный после боя оставшийся на ногах командир, на него наградные оформлял, меня попросили, комдив Романов. На «Боевика» написал.

– «Боевика»?

– Орден Боевого Красного Знамени.

Мы оба понимали, что сейчас не время для долгой беседы, поэтому я сказал:

– Если хочешь знать о всех подробностях, подходи как-нибудь к этому дому, я его приобретаю. Тогда и пообщаемся. А если коротко... Я командовал отдельным зенитно-пулемётным взводом при охране штаба 4-й армии, и мне поступил приказ усилить охрану железнодорожно-о моста...

Я вкратце описал, что происходило у моста и как я отправил Сомина с другими ранеными санитарным эшелонem. Думаю, до госпиталя он доехал, но там очередное окружение, поэтому родные о нём ничего не знают. Конечно, попасть раненым к немцам в плен – это верная смерть, но бывает, выживают, так что ещё не факт, что Сомин погиб, может, где в плену.

Старлей пообещал в ближайшие дни зайти с тетрадкой, чтобы всё записать с моих слов, как очевидца, и отправить родным. И мы расстались. Патруль направился дальше, а я решил, раз есть свободное время, прокатиться по музеям, должны быть открыты, вроде ещё не начали эвакуацию, может, успею. Заодно заеду куда-нибудь перекусить. Да, и надо за портфелем с моими вещами заехать, который я прикопал перед тем, как уехал в училище. Надеюсь, там ничего не пострадало.

Следующие четыре дня пролетели в круговерти. Дом я купил, причём Аня перед покупкой в нём побывала, и он ей понравился, она не ожидала, что он будет такой большой. Насчёт хозяйства я её успокоил, это на мне, дома она будет лишь отдыхать от службы, чем изрядно утешил, а то та испугалась грандиозности хозяйства. Нет, лениться она не собиралась, сказала, что будет помогать, но это будет зависеть от усталости. Хозяйка уезжала к дочери во Владивосток, поэтому оставляла практически всё, а так как семья была зажиточной, имелось много чего ценного. И я выкупил всю обстановку с имуществом, даже швейную машинку и патефон с пластинками, хотя в браслете они у меня были, и не по одному. Дом я оформил на себя и жену, мы прописались, где положено в службах, познакомились с участковым, который был в звании сержанта, и справили новоселье. Народу пришло много, в основном из госпиталя. Никитин был. Именно на него я валил, как на своего знакомого, который одолжил мне машину. Надо же было как-то объяснить, откуда она у меня.

Новоселье справили хорошо, я потом всех развёз по домам. Но единственным минусом было общение с участковым, который заявил, что я обязан взять постояльцев. На что я ответил, что я детдомовский и в общежитии жить не хочу, нажился уже. Вон, люди бегут, проблем с жильём нет, пусть там заселяются. В общем, отбрил его. Да и бывшая хозяйка нашего подворья призналась мне, отчего у неё квартирантов нет: а потому, что сообщала беженцам, что дом продаёт, а с балластом в виде постояльцев сделать это сложно, и отправляла всех по соседям. Вот так и продала мне свободный дом. Но мне сказала, что я могу брать постояльцев по своему желанию, но внаглую вот так пихать мне их не имеют права. Я уточнил у Никитина об этом, и он подтвердил, однако проблемы с жильём из-за беженцев поднялись на такую высоту, что сейчас уже у хозяев их желанием не интересуются. Силой заставляют. Ну-ну, посмотрим. У меня не общежитие и не ночлежка.

А портфель с вещами и документами я достал, и он был в норме, даже ничего не отсылало. Теперь у меня свой хирургический инструмент, тестер и разные рабочие инструменты, всё было на месте, даже книги.

По поводу поиска амулетов пока ничего не скажу, беглый осмотр ничего не дал, а на вдумчивый у меня не было времени.

Сегодня, в понедельник, я выгнал машину со двора и отвёз довольную Анну до места службы, всё же наш дом был далековато, в трёх километрах, на трамвае полчаса ехать, да ещё с пересадкой. Но сегодня я решил шикануть и отвезти её, тем более погода снова ухудшилась, шёл снег вперемишку с дождём, и моё предложение жена приняла в охотку. Но от машины придётся избавляться, мне был неприятен интерес участкового, которого я дважды засекал на нашей улице, будто случайно там прогуливающегося. Добравшись до госпиталя, я поцеловал жену и предупредил, что вечером встречу её и сопровожу домой, нечего ей в темноте в одиночку по улицам Москвы топтать, но встречу без машины, мол, её вернуть нужно.

И сейчас мой путь лежал к сыну одного коллекционера, который, как мне стало известно, распродал коллекцию покойного отца. Она ему без надобности, в отличие от денег. Вот и посмотрим, может, я что пригляжу? Надо только по пути заехать на Главпочтамт, жена попросила. Она потеряла связь с семьёй: они снялись с места, она почту поменяла – вот так и потерялись. Осталась одна надежда: они догадаются отправить на Главпочтамт письмо до востребования. Ранее Анна ходила сюда в течение двух месяцев раз в неделю, теперь я это буду делать. И сейчас работница почты, проверяя пачки писем, вдруг действительно нашла нужное среди свежих. Значит, семья Анны в порядке. Они жили в Севастополе, мать у Анны тоже врач, была призвана на службу. Есть ещё сестра Дарья шестнадцати лет. Это единственные родные моей жены, и всё последствия Гражданской войны, поэтому мать очень о дочерях переживала. Мне письмо не выдали, и я уточнил у сотрудницы, может ли моя жена его получить, если она сменила фамилию и документы теперь у неё другие? Мне ответили, что нужно лишь свидетель-

ство о браке, где вписана её девичья фамилия. Это свидетельство было дома. Поэтому я решил вернуться домой, а потом заехать за женой: ничего, отпросится на час, ради такого отпустят. А на выходе я был сбит с ног телом, а над головой засвистели пули, впиваясь в дверной косяк здания почты.

– Твою же мать! Не успел с защитой, – только и простонал я, пытаясь сбросить с себя мёртвое тело и достать пистолет из кобуры.

Самое забавное, если тут вообще юмор уместен, что происходящее не имело отношения к моим делам или моим захватам, а было банальное ограбление. Вооружённый налёт. Причём не почты, из которой я выходил, а находившейся рядом сберкассy. А такое поведение бандитов было обусловлено тем, что передо мной шёл сотрудник милиции в звании лейтенанта, видимо, на него и отреагировал один из бандитов, выпустив весь магазин из пистолета. Браунинга, как я смог определить. Меня не задело, хотя пули вокруг и свистели, лишь был придавлен телом сотрудника милиции. Я не успел ни от тела избавиться, ни оружие достать, как бандит, открывший стрельбу, заметил мои движения и на истерике рванул ко мне:

– Ты что это удумал, урод, куда руки потянул?! А ну доставай, что там у тебя?

Пришлось достать пистолет, откидывая его в сторону, и, униженно скуля, просить меня не убивать. Причём были свидетели, другие прохожие, что залегли там, где находились, они всё слышали. А когда молодчик нагнулся, чтобы поднять оружие, а свой пистолет он между прочим ранее очень шустро перезарядил, в моих руках оказался МП. Не тот, что мне выдали перед заброской в немецкий тыл и после возвращения забрали, а один из трофеев. Короткая очередь сбила бандита с ног, потом я прошёлся по кабине машины налётчиков, это был фаэтон ГАЗ-А, и водитель поник к рулю. В это время на улицу из дверей сберкассы стали выскакивать налётчики с мешками денег в руках, четверо их было. Остатка магазина мне хватило, чтобы положить всех. Быстро перезарядив автомат, я, сильно хромя – трость осталась лежать на месте падения, – проконтролировал сначала молодчика и водителя, а потом и оставшуюся четвёрку. М-да, вшестером в одной машине им было бы тесновато.

Сделав вид, что осматриваю машину, я убрал автомат обратно в браслет и, дохромав до молодчика, поднял свой «парабеллум» и, возвращаясь, убрал его в кобуру. Подняв трость, я прислонился к стене здания почты, ожидая появления сотрудников соответствующих служб. Бежать смысла нет, работники почты быстро сдадут меня, тем более жену мою знают. Вычислят быстро, а я не хотел, чтобы отдача достигла жены, так что стоим и спокойно ждём. Хотя нет, не стоим. Шальными пулями было ранено двое прохожих, это не я постарался, а у меня в кармане шинели индивидуальный пакет, всегда ношу на всякий случай, так что опираюсь на трость, нога разболелась, и направляюсь к ним. Именно там и застали меня двое прибежавших сотрудников милиции, с небольшим опозданием появились и бойцы комендантского патруля. Один из прохожих зажимал свою рану, пока я второму перевязывал руку, и в это время один из сотрудников милиции, опросив очевидцев, а их с два десятка было, подошёл ко мне. Но дождался, когда я закончу и со вторым, и только после этого обратился ко мне:

– Товарищ, можно вас?

– Да, конечно, – кивнул я и, подойдя к водосточной трубе, где текла ледяная вода, стал отмывать от крови руки. Ещё и шинель дома мыть, которая была в пятнах крови свалившегося на меня лейтенанта, да и в грязи – поваляться пришлось.

– Сержант Парфёнов. Мне хотелось бы выслушать вашу версию произошедшего. Нет, к вам никаких вопросов нет, более того, мы благодарны за уничтожение бандитов, но всё равно хотелось бы выслушать вас. Например, откуда у вас автомат и где он?

– Насчёт произошедшего сообщу так. Как бывший командир Красной армии, комиссованный по ранению, орденносец, я не мог смотреть на такое бесчинство и уничтожил бандитов любыми способами.

– Очевидцы говорили, что вы умоляли не убивать вас. А потом всех постреляли, – ткнул тот в то, что ему казалось самой болезненной точкой для меня, но это было не так.

Достав платок из кармана, я стал вытирать ледяные после отмывки руки, поясняя этому настырному менту:

– В госпитале я лежал с командиром-разведчиком, вот тот и описал. На задании, если тебя окружили, можешь хоть молить не убивать, упав на колени, хоть обделаться. Это не страшно, страшнее – не выполнить задание. А обманув врага, усыпив его бдительность, воспользовавшись тем, что отвлек его внимание, ударил и уничтожил его, после чего выполнил задание, за это тебе честь и хвала. Я воспользовался его советами. Как видите, сработало.

– Но вы потом прошлись и добились всех раненых.

– Привычка, – пожал я плечами. – Почему-то раненые враги не сдаются и отстреливаются до конца.

– А оружие, где автомат?

– Не знаю, видимо, потерялся, – снова пожал я плечами. – У меня нет.

– А пистолет?

– Трофейный, лично снятый мной с адъютанта командира охранной дивизии вермахта, пленённого мной.

– Ясно. – Мент обернулся и пробормотал: – Начальство приехало. Документы ваши теперь можно осмотреть? Руки вроде чистые.

– Конечно.

Достав документы, я предъявил их, но возвращать тот их не спешил, передал подошедшим командирам, которые также их изучили. Как, впрочем, и меня, стоявшего, опираясь двумя руками на трость. И дальше серьёзно допрашивать меня не стали, видно было, как мне тяжело, даже пот на лбу выступил, так что просто опросили, дали подписаться в показаниях, после чего поблагодарили и отпустили. Я в шоке: в моём будущем при подобной ситуации я давно уже сидел бы в каталажке, мне ещё приписали бы и ограбление сберкассы, чтобы бандитов выгородить. Я без шуток, знаю один такой случай, когда я ещё служил в спецназе. Даже пистолет не отобрали, сорок первый год, а милиционеры уже чтит священное право трофея. Ну или не стали нагнетать обстановку, время не то. Насчёт автомата не спрашивали, видели, что его действительно при мне нет. К тому же их явно смутили мои награды, засветил их, когда шинель расстёгивал, чтобы документы достать, ну и когда убирал их обратно.

Перевязанных мной пострадавших уже увезли, бандитов сносили к проезжей части, за их телами машина должна прийти. Оружие и мешки с деньгами собирали да осматривали изрешечённую машину бандитов. Я же, завернув за угол, направился к машине и мельком обернулся. Да, особо и не скрываясь, за мной шла слежка. В гражданке, но точно топтун. Я сел за руль, с усмешкой наблюдая, как тот заметался, и, запустив движок, пользуясь тем, что движение слабое, развернулся и покатил домой. Разгоняясь. Дома я вычистил и, как мог, отмыл шинель. Оставив её сохнуть на печке и подтопив дом, я достал справку, надел гражданское пальто и покатил за женой. В госпитале действительно проблем не возникло, отпустили, и мы доехали до почты. Тут уже пусто было, только пятна крови остались, которые тщательно отмывала дворничиха.

Я первым выбрался из машины, открыл дверь жене и помог ей выбраться, козырнув топтуну, ожидавшему нас у здания. Видимо, догадался спросить у местных работников, что я здесь делал. Анна даже не обратила внимания на пятна, так спешила. Получив письмо, она тут же, отойдя в уголок, в нетерпении вскрыла его, быстро пробегая глазами строчки. Потом стала читать повторно, уже медленно. Я стоял рядом. Она наконец оторвалась от письма и с сияющими от радости глазами сообщила:

– Живы. Они сейчас в Новороссийске, успели эвакуироваться из Севастополя на «Армении». Мама – заведующая челюстно-лицевым отделением Главного военно-морского госпи-

таля Черноморского флота. Военврач второго ранга. Дашка рядом с ней. Комнату в городе снимают. Тут есть их адрес, куда писать.

– Думаю, откладывать не стоит, нужно кратко написать о произошедшем и наш адрес, пусть письма на него шлют. Более подробное письмо ты чуть позже им отправишь, главное – связь восстановить.

– Ага, – согласилась Аня.

Аня устроилась за высокой столешницей и стала быстро черкать ответное письмо на вырванном мной из блокнота листке. Потом я ловко свернул его в треугольник, так как конвертов в продаже не было, да и редкость они, и мы тут же отправили его, купив пару марок, не военная же почта. Когда мы покинули здание почты, я заметил, как топтун метнулся к своей машине и проследовал за нами к госпиталю, где я оставил счастливую жену, а потом он за мной и дальше поехал. Но в улочках мне удалось сбросить хвост, и я спокойно добрался до дома сына коллекционера. Тут удобное место было, никого, сараи вокруг, поэтому я убрал машину в браслет – она своё отъездила.

Опираясь на трость – что-то действительно нога разболелась, – я поднялся на пятый этаж и прошёл к нужной двери. Этот адрес мне слил один из работников музея, так что я знал, куда шёл. После звонка мне открыл обрюзгший мужчина лет тридцати, кстати, тоже хромой и с палочкой, что, видимо, и освободило его от призыва. Я оказался не одним покупателем, у него ещё трое находились. Не страшно, своё-то я уж точно получу. Пройдя в комнату, я обнаружил, что другие покупатели в возрасте, интеллигенты. Двое типичные маньяки-коллекционеры, а вот третий старичок больше похож на работника музея, и, судя по тому, как хозяин морщился, глядя на него, тот довольно долго и безуспешно уговаривал передать всё музею. Безвозмездно. Так и оказалось, уговоры и при мне пошли, причём хозяин квартиры откровенно его посылал, пока не вспылил и силой не выставил из квартиры. Да уж...

Всё добро было выложено на столах, или прямо на полу, на подстеленных тканях, или же в выставленных ящиках. Я, как и два других покупателя, медленно всё обходил, причём те не понимали, что я здесь делаю: как-то не походил я на их окружение, скорее на бандита. Это ещё пистолет они не видят, из-за пальто кобуру я снял, оружие в браслете, достану мгновенно. Урок у почты был наглядным примером. И хотя на меня поглядывали с подозрением, как бы то ни было, всё же мне позволили осмотреть экспонаты. Я касался разных предметов, подавая чуть маны. Первым засветился браслет, не скажу, что копия моего, но похож, даже очень. Указав на него, поинтересовался у хозяина:

– Сколько?

– Триста, – хмуро ответил тот.

– Молодой человек, – начал один из гостей, – может, нам этот экспонат тоже интересен?

– Ничего не знаю. Цену назвали, я плачу. Кто не успел – я не виноват.

Достав пачку банкнот, я отсчитал нужную сумму, которую вручил хозяину, и забрал браслет. Присутствующим казалось, я убрал его в карман, но на самом деле – в браслет-амулет, который принял его, в находке не было уже ни капли магии. Покупатели заворчали, а я продолжил. Хозяин коллекции не был против такого моего метода – не за всё выбранное платил, а сразу по мере нахождения интересующего экспоната, так что я продолжил. Нашёл ещё два таких же браслета – один явно мужской, со сценами охоты, другой – похожий на женский, потом четыре кольца, два перстня, и засветилась рукоятка кинжала. Были находки в виде броши, заколки, кулона, пары пуговиц, двух медальонов, явно пряжки ремня и серьги, комплект. Остальное на ману не отзывалось. Всего засветилось двадцать предметов, причём я старался, чтобы это никто не заметил, в случае чего, пока свечение не прекращалось, обращая внимание на себя. Надеюсь, я найду тут то, что отвечает за защиту, вся надежда именно на медальоны.

Оставил я здесь шесть с половиной тысяч. Но нисколько не жалел. Забрал покупки, распрощался с хозяином и покинул квартиру. Не сразу, но коляску с поднятым верхом остановил, – в Москве стало проблематично поймать транспорт, даже пролётки, такси так совсем практически исчезли с улиц столицы. Заехав в магазин и купив некоторые продукты, включая свежее привозное молоко, я доехал до дома, где на углу замерла знакомая машина. Хм, и адрес узнали, быстро они. Демонстративно расплатившись с возничим, я договорился, что он подъедет в семь вечера, свозит меня за женой. Отперев входную калитку и заперев её изнутри, я прошёл к крыльцу. В доме я первым делом подкинул дров, подтопив обе печки. Потом натаскал воды в баню, ну, как натаскал – использовал амулет-помощник. И затопил. Баньку мы с Аней испробовали в первый же день после переезда.

И сел разбираться с амулетами. Оказалось, все три браслета – это амулеты расширенного пространства, склады, если быть точными. Два браслета пусты, в третьем имелось некоторое барахло. Да, не повезло, действительно барахло, ничего ценного. Потом я изучил оба медальона, амулет-помощник снимать не стал, они магией не конфликтовали. Зарядил и сделал привязку к себе, уколами в палец, после чего поработал с ними. Оба отвечали за защиту. Один заметно мощнее, другой послабее, на уровне моего старого. Его я разрядил и убрал в своё кольцо, там всё самое ценное находилось. На будущее, если вдруг снова останусь без защиты, чтобы замена была. Более мощный амулет я повесил на шею, а так как он цепи не имел, я использовал обычный шнурок. Уф-ф, ну наконец, а то как голый себя чувствовал. Хм, как бы второй амулет защиты жене подарить и сделать так, чтобы она никогда его не снимала? Надо подумать.

Пока же, пользуясь тем, что время ещё было, я продолжил изучение покупок, параллельно восемью потоками готовя ужин, чтобы накормить жену, когда вернусь с ней. У нас, конечно, осталось что-то, что мы гостям не раздали от вчерашнего новоселья, но хочу свежего сготовить. В этот раз я решил побаловать Аню пельменями. Мясорубка имелась, мука, яйца и мясо тоже, так что на кухне шла работа, причём активная – пельмени лепились. А отварить их быстро, и после баньки легко пойдут со свежей сметанкой. Заодно хлеба испеку, тесто я уже поставил...

Один перстень также отвечал за хранение вещей, имея пространственный карман. Правда, он всё же имел конечный размер и, по моим прикидкам, был с амбар моего подвоя. Я так подсчитал, войдёт в него, если по танкам считать, шесть КВ-2, ну и ещё пару тридцатьчетвёрок можно втиснуть. Вещь нужная. Тем более всё же амулеты хоть и находятся под чарами отвода глаз, но нащупать их можно. Я пару раз чуть не спалился перед Анной, успевая отвести её внимание разговорами. Так что браслет на ночь всегда снимал, но перстень и кольцо оставлял, она на них не обращала внимания, так как нашёл, как включать опцию отвода глаз, и включал её. А что, это в древности амулеты прятали, сейчас никто не поймёт, что это такое, с виду обычное украшение, не более. Анна лишь поинтересовалась, не девушка ли мне колечко подарила, и, убедившись, что нет, мол, это подарок на память, больше не спрашивала. А вот браслет я скрывал и снимал на ночь, надевая по утрам.

Тут мне ещё вот какая идея пришла: ведь амулетам безразмерного пространства не важно, заряжены они или нет, всё равно будут хранить всё, что в них положено. И чтобы лишние браслеты и перстни не носить на руках, забить их под завязку и убрать в кольцо, а когда нужно, доставать, заряжать, это быстро, и извлекать из них всё, что нужно. На мой взгляд, идея отличная, по сравнению с тем, чтобы на себе весь этот металл таскать. Надо подумать и проанализировать этот момент.

Это пока всё, что я успел, остальные амулеты и не доставал из браслета. Собравшись и убедившись, что дома всё в порядке и готово, банька натоплена, одевшись, я вышел на улицу. И как раз нанятая пролётка подъехала. Давно уже стемнело, однако наружка продолжала отслеживать, в амулете-помощнике имелся сканер, как я уже говорил, который позволял мне посто-

янно их контролировать. Топтун хотел перелезть незаметно через забор, собаки-то не было, все окна закрыты ставнями, светомаскировку ещё никто не отменял, но я ему не давал. Он трижды поскользнулся на корке льда, разбив локоть и наставив синяков. А когда наконец смог залезть на забор, то не смог удержаться, естественно, не без моей помощи, и свалился с него. Снаружи. На этом его упорство закончилось, и, глухо матерясь, потирая отшибленные места, он вернулся в машину, решив больше не искушать судьбу.

Пролётка покатила к госпиталю, и наружка последовала за нами в отдалении, изредка сверкая подфарниками. Фары не использовали, запрещено, светомаскировка. У госпиталя мы простояли минут пятнадцать, пока моя жена не выпорхнула на крыльцо с парой медсестёр, смена которых тоже закончилась. Кстати, одна из них заняла комнату, которую ранее снимала Аня. Мы их развезли по домам и направились к себе. Наружка не отставала. У нашей «усадебки» отпустив пролётку, мы заперли ворота... и дальше банька, а потом ужин при свечах... Конечно, романтично, но свет-то выключили, я уже привык, хотя на окнах светомаскировка. Это регулярно происходит. Аня была восхищена моими кулинарными способностями, и, когда мы поели и уже пили чай с ватрушками, я сказал:

– Как ты, наверное, заметила, я обустроиваюсь по дому. В огороде разметил квадрат и собираюсь выкопать там блиндаж. Нам нужно укрытие на случай налётов. Сама знаешь, по ночам постоянно тревогу объявляют, укрытие необходимо. Думаю, за неделю сделаю. В три наката планирую. Завтра за досками и брёвнами поеду, насчёт машины уже договорился, так что завтра за тобой заеду. Это, конечно, не комфортабельная легковушка, грузовик, но лучше на нём, чем пешком или на пролётке.

– О трамвае забыл.

– И до него дело дойдёт со временем, – согласился я и, сделав глоток чая, продолжил: – Однако это ещё не всё. Я договорился, и на нужды госпиталя выдадут продовольствие. Можно считать шефской помощью. Предупреди главврача насчёт приёма и разгрузки, чтобы люди были, я часов в семь вечера подъеду. Будет шесть половинчатых говяжьих копчёных туш, шесть мешков муки, шесть с горохом и две бочки вина. – От туш и вина в браслете, оставленных прошлым его владельцем, нужно избавляться. Выбросить жалко, а вот так раздать – вполне можно. – Не смотри на меня так, это не то вино, другое. А то больно уж скудное питание в госпитале. Надоели эти каши-размазни. Пусть нормальные супы варят, на мясе. Хотя бы тем, кому можно по питанию. Да, завтра приготовлю гороховый суп на копчёном мясе, вечером попробуешь.

– Это не из того, что госпиталю собираются передать? – нахмурилась Аня.

– Не волнуйся, раненых обкрадывать не буду, – криво усмехнулся я. – Окорок в сенях висит, там же мешок гороха. А для раненых продовольствие я только завтра получу.

– Извини, я неправильно подумала, – смутилась Аня... Оба за день уставшие, мы быстро уснули. К счастью, жена ничего так и не узнала о событиях у почты. О том, что я там участвовал, – точно. Надеюсь, и не узнает. Хм, и как мне от наружки избавиться? Она уже начинает напрягать, столько планов в тартарары летит! Хм, интересно, а что будет, когда они пробьют номер машины, которой я пользовался, и узнают, что она ни за какой частью не числится? С вопросами ко мне подойдут? Вполне возможно.

Утром мы позавтракали, и Аня направилась к остановке трамвая, она находилась в паре минут пешком. Сегодня у неё обычная смена, а вот завтра суточное дежурство. Я отслеживал её с помощью амулета-помощника. Она благополучно села в трамвай и укатила.

А наружка сменилась, машина та же, но люди другие. Похоже, я чем-то заинтересовал нашу милицию, вроде их люди, несмотря на недостаток сотрудников, выделить всё же смогли для слежки.

Я же стал изучал остальные амулеты, одновременно параллельными сознаниями проводя работы. Даже в стихийной магии поработал, например, в направлении земли. Блиндаж я действительно собирался сделать, вчера первый слой на штык снял. А сейчас на метр углубил, уплотняя стенки. Лопата воткнута рядом, для вида, а на стенках я сделал следы от неё.

Часам к десяти я закончил изучение ещё трёх амулетов. А именно – пряжки, кинжала и кулона. Кулон оказался защитой, слабенькой, не боевой амулет. Мне кажется, он детский, для повседневной носки, во избежание получения травм. Я разрядил его и убрал в свою коллекцию. Пряжка – это амулет-сканер, подаёт на сетчатку лаз информацию на шесть километров вокруг. Штука нужная, вставлю в свой ремень и буду использовать, а то меня беспокоит, что жена без присмотра. Пряжка с другими амулетами не конфликтует, оттого и пришлась мне по нраву, хотя полное изучение её возможностей я до конца ещё не довёл. Кинжал мог резать любые предметы – от камня до металла. Подозреваю, ему и танковая броня что пластилин. Штука нужная, но пока необходимости в нём нет. Разрядил и тоже убрал в запас. Остальные вещицы пока не трогал, но и до них время дойдёт.

Одевшись снова под военного – чистая шинель, ремнями перепоясан, шапка-ушанка с амулетом-помощником – и заперев дом, я, не торопясь, направился к остановке. Наружка отслеживала меня со стороны. Доехав до рынка, я смог сбросить хвост, скрывшись в улочках. На сам рынок выберемся потом с Аней. Там много чем торговали. А ей нужно приобрести что-то для дома, но главное, одежду, платья, а то всё форма да одна смена белья, нехорошо. Я ушёл за гаражи, достал ЗИС с крытым кузовом, но пустым, явно армейская машина, видно по покраске и номерам, и стал заправлять её из канистр. Потом прогрел мотор и покатил к порту. Как я узнал, там можно приобрести доски и брёвна для блиндажа, да и дрова.

На воротах сообщил, что приехал покупать доски, но меня не пустили на территорию, отправили к зданию правления порта. Там я нашёл нужного человека, договорился о приобретении стройматериалов, даже скобы можно купить, и я всё оплатил в бухгалтерии. По моим прикидкам, придётся три рейса делать, чтобы всё увезти. Я даже в порту двух грузчиков нанял, чтобы они мне дома разгрузили машину. А то подозрительно будет, как это инвалид машину в одно рыло разгрузил.

Для первого рейса загрузили доски, которых за лето скопилось огромные штабели, и я смотрел, чтобы гнильё не подсунули. Сверху закинули ящики со скобами и гвоздями. Один грузчик сел в кабину, другой залез в кузов. А у дома ждала наружка, удивились моему такому появлению. Смотрели, как я открываю ворота и задом загоняю грузовик во двор, потом отпираю амбар, куда грузчики и начали разгружать доски. Похоже, моя деятельность так заинтересовала представителей слежки, уж не знаю, кто ими командует, но они послали ко мне участкового, который подошёл, когда я со второй ходки поставил машину под разгрузку. Теперь были брёвна для наката и сруба блиндажа, длинные, на два метра из кузова торчали.

– Что здесь происходит? – входя через открытые ворота во двор, даже не поздоровавшись, требовательно поинтересовался участковый.

– А тебе какое дело? – также невежливо откликнулся я.

– Ты как с представителем власти разговариваешь?! – аж взвизгнул тот.

– Если этот представитель власти ведёт себя как хамло, отвечаю тем же, – жёстко сказал я и скомандовал:

– А сейчас, сержант, кругом! Шагом марш! И постучись как положено, представившись по всей форме.

– Я это так не оставлю! – стал угрожать участковый.

– Да ты что? Ты, крыса тыловая, мне, фронтовику, ещё угрожать будешь? Да я тебя сгною, мигом повестку в зубы – и на передовую, посмотрим, как ты там по окопам скакать будешь, урод. Ну что, есть что сказать? Ты не смотри, я до твоего начальства быстро доберусь и поясню,

как их представитель мне, орденоносцу, грубил и угрожал. Долго ты на своём месте пробудешь? Кругом, я сказал!

Сержант поиграл скулами, но всё же вернулся на улицу и, уже вежливо постучавшись и представившись, прошёл во двор, когда я разрешил. Ну и нейтральным тоном поинтересовался, явно внутри кипит от злости, чем я занимаюсь.

– Бомбоубежища у меня нет, вот сделать и собираюсь, – таким же нейтральным тоном объяснил я. – Немцы Москву частенько бомбят, укрытие необходимо. Стройматериалами запасаясь. Я удовлетворил ваш интерес, товарищ участковый?

– Откуда у вас эта машина?

– Сослуживцы дали до вечера. Они в Москве новую матчасть получают, завтра на фронт отбывают. Вошли в положение и дали машину.

– И документы имеются?

– Конечно.

Эту липу я сделал ещё утром: номер части настоящий, я там действительно служил, пусть проверяют. Так что участковый вернул документы на машину и отбыл, мельком осмотрев груз. После третьего рейса я отвёз грузчиков в порт, у меня там ещё был интерес: в мастерских порта, как оказалось, начали изготавливать печки-буржуйки по заказу армии, и нужды населения тоже учитывались, продавали ему. Также через бухгалтерию я приобрёл такую печку и трубу для дымохода, отвёз домой и разгрузил уже сам амулетом-помощником. На этом всё, время полседьмого, поэтому я загрузил в кузов продовольствие из браслета и вино, запер дом и покатил к госпиталю. Но со следующего дня затихаюсь, буду заниматься хозяйством, наведу мосты – хочу сдать экзамены и получить диплом врача, а то на меня уже косятся, чуть ли не тунеядцем считают. Ага, инвалида-фронтовика. А ночью отгоню машину, оторвусь от слезки, уберу в браслет и вернусь пешком. Пока планы были такие, а там посмотрим.

А на пути меня застала сирена предупреждения воздушного налёта. Остановив машину и поставив её вплотную к стене кирпичного дома, я остался сидеть в прогретой кабине. Всё равно ничего вокруг не знаю, даже где и бомбоубежище. Надеюсь, бомба меня минует. Хотя укрытие-то амулет-помощник мне найдёт, но я поленился искать, и так пережду. Время есть, сижу и думаю. А не повоевать ли мне? Сделать танковую группу и повеселиться в немецком тылу. Браслеты, куда трофеи убирать, имеются. На мой взгляд, идея отличная. Тем более и желание есть. Нужно пользоваться, пока война и имущества бесхозного огромное количество вокруг. Это я о немцах и о том, что они захватили. Надо всё обдумать. Хотя всё равно подготовка серьёзная требуется, но идея действительно стоящая. Хм, а что я помню о налёте японцев на американскую базу в декабре? Будет мне там чем поживиться во время этого дела? Мне бы подлодку. В будущем, в мирное время такая штука точно сгодится. Да и вообще запас карман не тянет.

Вздыхнув, я открыл дверь и, встав на подножку, осмотрел небо. Низко висевшие тучи ясно давали понять, что погода для полётов крайне неблагоприятная. Немцы уже дней шесть не летали и не бомбили Москву, и непонятно, отчего объявили тревогу, если погода как-то не особо наладилась. Но гудение в небе ясно слышно. Может, у немцев небо и чистое, но над столицей всё тучами затянуто, так что если и будут бомбить, а по ночам летали высотники, то только наугад.

Вернувшись в кабину, я сел пережидать налёт. Как я и думал, для немцев этот вылет – просто напомнить о себе, чтобы мы не расслаблялись, потому как большая часть бомб сыпалась за городом. Говорю же, наугад сбрасывали.

При отбое воздушной тревоги я покатил дальше. Наружка всё так же следовала за мной в отдалении. В госпитале на налёт не обратили внимания, все помещения ранеными заполнены, просто нет столько персонала, чтобы спустить их в подвалы. Меня уже ждали, так что, развернув машину, я подогнал её задом к дверям входа на кухню, рядом с которой находилась

кладовка. Пока пара пожилых бойцов из санитаров разгружали машину, подошёл главврач и его зам по снабжению, именно он и принимал груз. Расписавшись в наряде на приём продовольствия, я отогнал машину и направился на поиски Анны. Заодно парней из своей палаты навестил, яблоками угостил.

Приехав домой, мы поужинали, гороховая похлёбка Анну восхитила, и, пока жена омылась в небольшой жестяной ванне, баня сегодня не топлена, я отогнал машину а сарай, с трудом уйдя от наружки, убрал её и вскоре пешком вернулся домой.

Следующая неделя пролетела как-то стремительно. Вести с фронта становились всё тревожнее и тревожнее, немцы медленно, но всё же приближались к Москве. И мои предположения, что может дойти и до уличных боёв, похоже, становятся всё вероятнее. В некоторых местах немцы находились уже в ста километрах от столицы.

Я за это время освоил все приобретённые амулеты, изучив, за что они отвечают, и закончил укрытие – получился типичный блиндаж с двухуровневыми нарами, столом и печкой-буржуйкой в центре, земляной пол, и на нарах – купленные на рынке соломенные тюфяки, в тупичке – некоторый запас продовольствия и одеял, посуда, керосиновая лампа, свечи и запас дров. В общем, если что, переждать можно. Аня, конечно, подивилась, что так быстро всё сделано, но я объяснил это тем, что мне помогали. Так что теперь в случае налёта мы досыпали в укрытии.

Я уже пообщался с руководством университета по поводу сдачи экзаменов, но меня обломали: ради меня одного отвлекать преподавателей от и так сильно уплотнённого графика учёбы никто не будет. Так что только весной, когда будет выпускаться ускоренный курс, меня примут на общих основаниях. В общем, надо ждать полгода. Я лишь пожал плечами, подожду, тем более планы имелись.

Наружку через четыре дня сняли, после того как я продовольствие в госпиталь привозил, это была разовая акция, хотя в будущем я планировал её повторить. Но участковый стал чаще мелькать, вероятно, ему перепоручили за мной приглядывать, что он и делал с особым удовольствием. Ну а так как я закончил основные дела, в планах на ближайшие дни снова пройтись по рынку, барахолкам или скупщикам, поискать в продаже амулеты. Грабить музеи и коллекционеров я пока не хочу, а продать они мне вряд ли что захотят.

А что касается амулетов, которые я приобрёл не так давно... Пряжку я вделал в свой ремень, сверху приклеил другую, срезанную, с армейской звездой, чтобы замаскировать амулет, но сканер теперь работал, и жена под присмотром. Сам сканер я уже более подробно изучил. Информацию можно подавать, как я говорил, на сетчатку или обоим глаз, или на любой по выбору в случае надобности. Этот сканер можно использовать как тактический планшет, идеальный инструмент для артиллериста, что миномётчика, что гаубичника, всё видно, ну и как для стрелка, а я всё же снайпер. Пока опыта его использования у меня нет, но некоторые теоретические наработки я сделал, осталось только проверить их в деле, но это на будущее.

О тех же четырёх кольцах. Одно имело пространственный карман, это женское колечко, да и карман едва с чемодан размером. Правда, человека втиснуть можно, жаль только, эти склады живое принимать не могут. Точнее, могут, но убивают, я на немцах проверял. Второе кольцо – это амулет ночного видения, совмещённый с биноклем. Днём работал плохо, не предусмотрен для этого, но ночью я с ним – бог. Когда за женой по вечерам ходил, всегда им пользовался. Третье кольцо оказалось лекарским амулетом, но лечить он не мог, чистый диагност. Для меня, как для неполноценного врача, документов-то нет, это просто восхитительная находка. Это кольцо-диагност можно и в патанатомии использовать. В теории уж не знаю, а вот на раненых в госпитале, пока жену ожидал, проверил. Вещь. Четвёртое кольцо оказалось бытовым. Да тот же зонтик. У меня уже был амулет схожего действия, и этот в запас ушёл.

По остальным вещичкам скажу так: были и интересные находки, и откровенный мусор. Брошь оказалась амулетом из комплекта мага-артефактора. Их ещё пространственными называли. Она самая ценная находка из всех моих покупок. Амулет-диагност на втором месте. Именно так. Эта брошь, когда я к ней подключился и смог управлять, позволяла мне видеть, отправляя картинки на сетчатку глаз, магические линии и магемы. О да, теперь я снова видел амулеты в этом зрении! Функций у броши довольно много, но если проще, это – Магическое око. Жаль, она не позволяла влиять на магемы, работать с ними. Чистое Око – как увеличительное стекло у ювелиров. Однако вещь всё равно нужная, позволила мне изучать остальные амулеты и их структуру. Единственный минус – амулеты в спящем режиме брошь не видела; пока я не подам ману и плетение не засветится, для броши эти украшения остаются украшениями. Так что искать амулеты снова придётся методом тыка. Ничего, я ещё изучаю все возможности броши, может, найду опцию видеть скрытое.

Об остальных амулетах. Комплект серёжек – это амулет подводного дыхания. Не знаю, почему он в таком виде, но факт остаётся фактом. Теперь, проткнув уши, я не только смогу плавать среди льдин благодаря амулету климат-контроля, но и нырять, и уходить на глубину. Полезная опция. О тех двух пуговицах скажу, что одна отвечала за тот же климат-контроль, а вторая – странная. Я не сразу разобрался, что это камера наблюдения, правда, дальность управления – метров пятьдесят, но если её закрепить в определённом месте, я буду всё видеть в режиме онлайн. Данные также на сетчатку идут. По сравнению со сканером качество картинки, конечно же, лучше, она даже цветная, но зато у сканера возможностей больше, как и дальности. Обе пуговицы ушли в мою коллекцию, запас пополнялся. А вот заколка преподнесла сюрприз. Это оказалась энциклопедия. Книга, если проще. Для меня бесполезная, языка не знаю – не латынь, на арабскую письменность похоже. Тоже в запас ушла.

Изучив все покупки, я подумал: хорошо, но мало, нужно ещё добыть. Сегодня утром проснулся и, не будя жену – она после суток, час назад пришла, до полудня будет отсыпаться, – выбрался из постели. Привычно подтопив печи, приготовил завтрак и, поев, стал работать. Все основные дела сделаны, я даже дом отмыл, что было непросто. Полы деревянные, некрашенные, грязь быстро покрывает их, поэтому нужно соскабливать её. Однако используя стихии в направлениях Земли, Воды и Воздуха, я за двадцать минут навёл блеск, и в доме запахло сосной, у нас сруб-то сосновый. Доски пола и брёвна сруба заблестели, как новые. Наш дом Аня обожала, особенно за тепло и за этот запах хвои. До такой степени, что, когда написала огромное письмо матери, предложила сестре переехать к нам, место было. Обуславливала это тем, что у нас безопаснее. Ха, немцы к Москве рвутся, нашла безопасность. Вторым письмом она предложение отменила, пояснив почему. Ответа пока нет, рано ещё, ожидаем.

А по поводу работы, то я не искал себе занятие, давно уже решил, чем займусь. Никуда я не устраивался, хотя на это и смотрят косо, но фронтовик, да ещё инвалид, и молчат. Пара предложений трудоустройства была, но так, скорее совесть успокоить. Беженцев в столице много, так что рабочей силы хватало, не требовалось меня силой куда за шкуру тащить и оформлять на какую работу. Одну участковый пытался подкинуть, сторожем на склады, пришлось аккуратно послать его. Во второй раз жена – она же знала, что я неплохой хирург, даже инструмент свой имею, Аня его чуть не облизала, настолько он ей понравился. Пока я им не пользовался, жена себе его прибрала в работу. Аня даже с главврачом поговорила, и тот мной заинтересовался, но сделал своё предложение: он решает вопрос с получением мной диплома врача, а я, как и Аня, работаю в госпитале до конца войны. Пока думаю, принять это предложение или нет. В принципе, полгода прождать я вполне могу, а с тем авралом в военных госпиталях связываться не хочу. Это ведь снова призыв на службу. А раз в госпитале могу служить, то время военное, напишут приказ и отправят в какой медсанбат для усиления и пополнения. Я уже навоевался. В том смысле, что меня уже такими приказами подставили под инвалидность, хватит. Лучше подожду полгода, получу диплом и устроюсь в какой-нибудь столичной

больнице, где также нехватка врачей. Я не бегу от войны, меня бои не страшат, вот ещё, но командиров над головой я больше терпеть не хочу. Вон, ногу укоротили из-за одного м... – полковника из разведупра нашей армии. Может, действительно найти его и вернуть должок? Желание есть, возможности нет. Ладно, если немцы его не отблагодарят, то после окончания войны я это сделаю, инвалидом, око а око.

А по поводу работы, то она на дому. Я о технике, второй день потихоньку её восстанавливаю. Амбар утеплён, там стоит кирпичная печка, видимо, чтобы и зимой можно было работать, так что, пока я завтракал, управляя амулетом-помощником, затопил её, и постепенно амбар прогревался. Пройдя в него, я закрыл ворота на засов, чтобы войти нельзя было, и достал из браслета КВ-2. Это второй, первый за последние два дня я привёл в идеальный порядок. Без шуток. Когда я только достал его, то уставился на него, как баран на новые ворота. Что я о танке знаю? Да ничего. Танкист, который лежал со мной в одной палате, помочь тоже не мог, он командовал батальоном лёгких танков, и если о БТ или Т-26 ещё что-то сказать мог, то о новейших танках – ничего. Сам издали только видел. Так что я промучился в первый день, пока заправлял, делая всё амулетом-помощником, масло заливал, пулемёты устанавливал на место, боекомплект пополнял. Разве что не заводил, шуму будет столько... соседей пугать не хотел.

Сегодня у жены выходной, она отсыпается, а я, изучив брошь, прошёл в амбар, сунув её в карман френча. Снова начав работать с танком, устраняя недоделки, понял, что начинаю разбираться в боевой машине. И не сразу, но сообразил, что это влияет брошь, видимо, у неё была опция познания механизма. Позже я нашёл эту опцию в меню. Конечно, такой сложный механизм, как танк, ей не доступен, но если сосредоточиться отдельно на двигателе, потом на трансмиссии, вооружении и остальном, то становится всё интуитивно понятно. Я настолько увлёкся, что позволил себе привести танк в порядок, он не был в таком состоянии, наверное, даже когда завод покидал. Естественно, работал я не своими руками, амулета-помощника вполне хватало. Мне даже можно было во время работ находиться в доме. Жаль только, не запустить двигатель, проверить хотелось бы, был бы амулет, который глушит звуки, совсем хорошо, но чего нет, того нет.

Со второй двойкой я справился за три часа. Первую машину я пополнил гаубичными снарядами, добытыми на захваченных немцами артскладах, но когда сработала опция познания механизма, то я понял, что у танков используется ослабленный заряд, пришлось перебирать, так что боекомплекты у обоих танков теперь в порядке. Жаль только – одни фугасные...

А за обедом жена спросила:

– Так что ты решил по поводу предложения нашего главврача?

– Пожалуй, откажусь. Снова форму носить, приказы выполнять... Нет уж, мне одной ноги хватило понять, что мне этого не нужно.

– Но ты же военный, как ты можешь отказаться от этого?! – изумилась Аня.

– С чего ты взяла, что я военный? – пожал я плечами, намазывая масло на булку и сверху шлёпая колбасу, после чего, впившись зубами в бутерброд, промычал:

– Нет, я был призван для срочной службы. Дальше училище, война, ну и наша встреча. Я никогда не видел себя военным, совсем другие планы... Хотя насчёт получения практики я не против, если вольнонаёмным возьмёт, например, дневные смены без всяких дежурств с обязательными выходными... Полгода у вас в госпитале, потом сдаю экзамены, получаю диплом и устраиваюсь в нашей районной больнице, совмещая должность хирурга и патологоанатома. Я узнавал, обе должности вакантны. Вот это меня устраивает... Ты давай допивай, на рынок пора.

Сегодня мы планировали купить зимнюю одежду. И шапку-ушанку для Ани, а то ей по службе выдали будёновку. Я так смеялся. Теперь я её для бани использую, вполне ничего.

Жена убежала собираться, а я прибрался на кухне и тоже стал одеваться, размышляя. Аня – молодец, ни разу не поинтересовалась, откуда у меня средства, есть – и хорошо, значит,

муж заботится о семейном очаге. Однако нашлись те, кто такой интерес проявил. Два дня назад нас посетил участковый, явно по чьему-то приказу.

– Скажите, гражданин Крайнов, откуда у вас средства на покупку дома?

– Купил на отчисления по инвалидности, – спокойно ответил я.

– Издеваетесь?

– Да что вы, как можно?! Но если по-честному, то мне письмо пришло от моего отца, написано, что, мол, осознал всё, просил простить, и в конверте была очень толстая пачка денег. Советовал использовать деньги разумно. Хватило на дом и обустройство.

– И где этот конверт с письмом?

– Да давно на растопку ушли.

– И кто может подтвердить, что вы средства именно так получили?

– Свидетелей не было. Да и к чему они мне? Отца я так и не видел, а увижу, скажу спасибо за выплаченные а все годы алименты, но в дом не пущу.

Участковый ещё задал несколько вопросов и отбыл. Конечно, моё пояснение белыми нитками шито, но пусть докажут, что не так было.

Заперев дом и ворота, мы с женой направились к остановке трамвая. Слежки не было, я контролировал это дело. Аня, вцепившись мне в локоть, на ходу рассказывала новости о госпитале.

После рынка, где я выступал исключительно в качестве носильщика, так как всё, что мне необходимо, я уже приобрёл, и покупками занималась Аня, мы посетили военторг и потом вернулись домой. Когда супруга разобрала всё по шкафам, я сопровождал её на дежурство и потом до полуночи поработал в амбаре – смог привести в порядок два пушечных броневика, снарядив их. И только после этого отправился спать.

Однако не тут-то было. Нет, не налёт, немцы уже три дня не летали. К соседнему дому подкатила легковушка и грузовик с бойцами. Я поначалу подумал, что это за соседями, раз там остановились, но нет, подсвечивая фонариками, они цепью направились к моему дому. Вот этого ещё не хватало!

Проверив сканером, я убедился, что жена в госпитале, с ней всё в порядке. И меня наве-стила не милиция, а сотрудники госбезопасности, которые «вежливо» заколотили сапогами по калитке.

Быстро убрав все амулеты, оставив лишь перстень и кольцо, в которое я убрал все разря-женные амулеты, я накинул френч, но так, чтобы награды было видно, и, держа в руках керо-синовую лампу, вышел к воротам:

– Кого там ночью носит?

– Спецгруппа НКВД, откройте дверь, у нас приказ на обыск.

– А откуда я знаю, что вы действительно из НКВД и ордер на руках имеете?

– Откройте калитку, мы вам его предъявим.

– Без шуточек мне.

Зашумев запором, я приоткрыл калитку. Но гости не пошевелились – на них был направ-лен ствол «парабеллума». Осмотрев двух командиров, позади которых толпились бойцы, я требовательно приказал:

– Документы и ордер. А то знаю я вас, диверсантов, не раз встречаться приходилось.

Мне предъявили документы, которые я внимательно изучил.

– Всё в порядке. Закон есть закон, осматривайте, – распахнув калитку, разрешил я, воз-вращая бумаги и убирая оружие в кобуру.

Я отошёл в сторону, подсвечивая, так что бойцы быстро стали разбегаться по двору, трое в дом прошли, и мы с командирами проследовали за ними. На крыльце, оббивая снег с галош, я поинтересовался:

– И чем я так заинтересовал вашу службу? Чем бывший фронтовик так привлёк ваше внимание?

– Сигнал поступил, – уклончиво сказал лейтенант, старший в этой группе.

– А, ну если поступил, то тогда конечно.

Мы прошли в избу, и лейтенант, осматриваясь, спросил:

– Вы один?

– Ну да. Жена в ночную в госпитале.

– Дежурство?

– Ночная смена.

– Понятно.

Обыск в доме, естественно, ничего не дал, я всё в кольцо держал, но вот амбар меня неожиданно подвёл. Даже блиндаж не так внимания привлёк, как амбар. Бойцы там нашли кое-что интересное. А именно – отчётливые следы танковых гусениц на земляном полу. Это да, этого я не предусмотрел. Масса техники была такова, что ямины оставляли солидные. Я как-то внимания не обращал, а сейчас жалею. Ну и ещё несколько пятен от масла или солярки и вдавленные следы колёс железнодорожной цистерны, которую я тут доставал и переливал из неё топливо по топливозаправщикам и бочкам разных машин.

– И что вы на это скажите? – поинтересовался лейтенант, изучив следы, даже пятна потрогал и испачканные пальцы понюхал.

– Сам удивлён.

– Судя по следам, у вас тут тяжёлый трактор был, – сделал вывод лейтенант, не заметив, как я с облегчением вздохнул: видимо, он в бронетехнике не разбирался, да и бойцы его не поправили. – А также тут были складированы запасы топлива. Что вы на это ответите?

– Следы объяснить не могу, они были при покупке дома.

– Свежие следы-то, – осмотрел углубление от одной из пар железнодорожных колёс лейтенант. – Не пойму, железнодорожные, что ли?

– Ага, пути сюда продолжили, а тут вагон с рельс съехал, – хмыкнул я.

– Поговори мне ещё. Вот что, собирайся, с нами проедешь. Там поговорим.

– А основание?

– Умный больно? Давай, поторапливайся.

Мне дали собраться, я даже записку успел жене начеркать, и меня погрузили в легко-вушку, стиснув с боков двумя бойцами из конвоя. Когда мы покатали в сторону управления, на углу, явно торжествуя, наблюдал за нами участковый. Вот теперь должок у меня к нему был, явно он наступал.

Мы доехали до управления, где меня обыскали и, естественно, ничего не нашли, кольцо и перстень на пальцах так и не нащупали. Но забрали трость, определив, что без неё я хоть и плохо, но передвигаться могу. Меня сопроводили в камеру, довольно плотно набитую.

– Фронтовики есть? – громко спросил я.

Сидельцы зашевелились, недовольно ворча. Я тоже был бы недоволен, если бы меня разбудили в полвторого ночи. Я достал, зарядил и надел амулет ночного видения. Рассмотрел: фронтовиков, да и вообще военных здесь нет, обычная криминальная шушера. А вот это странно, с чего бы это – сорок рыл в тесной камере, и ладно бы в управлении милиции, но не в управлении же госбезопасности? Они воришками не занимаются, если, конечно, сидельцы на немцев не работают или против правительства что-то не замышляют. Пресс-хата? А вполне может быть.

Охранник ушёл. А место свободное надо искать, так что я амулетом-помощником отле-витирил ключ и повернул его в замочной скважине. После чего покинул камеру, заперев её. Арестанты в такой темноте ничего и не рассмотрели. Пройдя по коридору, нашёл маленькую камеру, всего с двумя нарами и тремя заключёнными – двое в генеральской форме, третий

полковник, лётчик, судя по синим петлицам. Хорошо их отработали, все в крови и синяках. Открыв дверь, я зашёл в камеру, запер её снаружи, вернул ключи на место и, подойдя к одним нарам, пододвинул генерала, устроившись рядом.

Утром меня разбудили. Потрясли за плечо, и делал это полковник, генерал, рядом с которым я спал, сидел у меня в ногах и с любопытством смотрел на меня.

– Ты кто? – спросил полковник.

– Лейтенант в отставке Крайнов, комиссован по ранению из рядов РККА. Был командиром зенитной батареи в 4-й армии. Сначала при штабе армии, а потом госпиталь охранял, пока не ранили. Две недели назад прошёл медицинскую комиссию и был списан. Нога повреждена, укоротилась на пять сантиметров. Женится, приобрёл на полученные в наследство деньги дом. По доносу оказался здесь. Но о чём донос, не сообщили, при обыске ничего не нашли, но всё равно забрали. Это если кратко, если рассказывать всё, можно книгу написать.

– Фронтовик, значит? – морщась и держась за челюсть, пробормотал генерал.

– Орденосец, дважды награждён, орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». – Откинув полу шинели, я показал награды, у меня их не забрали.

А вот у командиров их не было, только рваные отверстия на их местах.

– Что орденосец – это хорошо, только для нашей камеры ты званием не вышел, – сказал полковник.

– Я комиссован, и по сути – гражданский человек, так что теперь на звания, выше – ниже, мне плевать. А насчёт камеры – вы правы, сначала в одну завели, она полна была, даже сесть негде. Я даже отойти от двери не успел, как другой конвоир меня к вам отвёл. Здесь нашупал свободное место и вот, устроился. Кстати, нас кормить будут?

– Скоро баланду разнесут, – ответил полковник.

В коридоре явно царил переполох, слышался топот, ругань, но мои сокамерники не обращали на это внимания, и я решил, что это обычное дело. Больше со мной не говорили, вероятно посчитав, что я подсадная утка, выведывать информацию, да и мне особо говорить с ними было не о чем, они даже не сообразовали представиться. Когда наконец принесли завтрак, я возмутился, что всем выдали пищу через раздаточное окно, а мне нет. Раздатчик даже глаза выпучил, заглядывая к нам в камеру:

– А ты откуда тут взялся? В этой камере трое должно сидеть.

– Меня не спрашивали, привели и заперли. Давай мою порцию, и смотри, чтобы не меньше, чем у остальных.

Я забрал миску с ложкой и кружку с напитком, похожим на чай, и, пройдя к нарам, пристроился на них. Стола не было, все ели, держа миски в руках. Хлеб – один кусок ржаного. Ел я быстро, подозревая, что могу не успеть. И действительно, только к чаю приступил, как за мной пришли. Причём втроём. Увидев, как они заскакивают в камеру, я, пуча глаза, в несколько глотков опустошил кружку. Успел. Не то чтобы я вот так есть хотел, до помутнения рассудка, но раз моё, то моё, всё съем и никому не оставлю.

Меня скрутили – миска и кружка полетели на бетонный пол – и в полусогнутом состоянии попытались повести к двери. А я не шёл, нога заболела, так что пришлось поджать ноги, и по сути меня понесли. Занесли в один из кабинетов, где находились двое командиров госбезопасности – хозяин кабинета в звании старлей и лейтенант, который ночью меня брал, и конвоир, что отводил меня в камеру.

Старлей с ходу у меня спросил:

– Как вы оказались в камере изменников родины?

– На них не написано, что они изменники, – пробурчал я. – Завели и заперли.

– Этот? – указал старлей на бледного конвоира.

– Этот завёл в камеру, она вроде полная была, судя по спёртому воздуху и шуму дыхания. Потом другой пришёл и отвёл в камеру, где мне свободное место нашлось на нарах.

– Точно другой? – прищурился старлей.

– Точно, он повыше был. А что случилось?

– Тут мы вопросы задаём, – отбрил хозяин кабинета и приказал конвоиру: – Свободен.

Когда тот вышел, хозяин кабинета, откинувшись на спинку стула и сцепив руки на животе, стал задумчиво меня изучать.

– Чего? – посмотрел я себя. – На мне узоров нет и цветы не растут.

– Ты был прав, нагл чрезмерно, – кивнул старлей лейтенанту.

– Вот и я говорю, что это подозрительно, – откликнулся тот.

– Хм, пройдите через круги ада на передовой, тоже чувство страха атрофируется. Так чего меня арестовали, есть причины?

– Не арестовали, а задержали до выяснения, – перебил старлей. – На вас поступила анонимка, что вы состоите в банде, ездите на угнанных машинах, участвуете в налётах, вас видели вместе с людьми, которые говорили на немецком.

– Ух ты! Серьёзные обвинения. И что, доказательства представлены? Хотя, постойте, что-то такое я припоминаю. Ну да, две недели назад участвовал в налёте на сберкассах в центре города. Да по ошибке перестрелял соучастников. Мне потом милиция также по ошибке благодарность объявила, бывает. Или вот: восемь дней назад я доставил шефскую помощь нашему госпиталю, продовольствия полную машину. Это тоже, наверно, считается диверсией? О, а по поводу встречи с немецким резидентом. Я немецкий учу и желаю получить разговорную практику, и нашёл такого собеседника, профессора медицины, знающего немецкий в совершенстве, но то, что он резидент, я не знал, спасибо, открыли мне глаза. Что же вы сидите? Быстрее нужно хватать его, пока он ложкой подземный ход к немцам не прокопал.

Несколько секунд старлей пристально смотрел на меня, после чего вздохнул.

– Вы можете быть свободны. Свои вещи заберёте на выходе. Извиняться за задержание не буду, из-за вашей наглости. Свободны.

Вызванный конвоир сопровождал меня к выходу. Там я получил свои вещи, но пистолета не было, что меня возмутило.

– Эй, а оружие?

– А у вас есть документы на него? – поинтересовался дежурный, что всё выдавал.

– Это трофей, взятый мной лично в бою.

– Будут документы на него, получите.

– Не бойтесь, что ответка прилетит?

– Что? – не понял тот.

– Потом поймёте.

Мысленно матерясь, я покинул здание управления НКВД и направился по площади к одной из улиц. Махнул рукой, подзывая пролётку, они тут обычно дежурят. Сообщив адрес, я велел побыстрее доставить меня до места.

Не стоит думать, что я такой борзый, отчего так себя вёл, не имея ума. О нет, я первым делом окидывал взглядом собеседника, снимая с него психоматрицу, опыт у меня был, исходя из этого и строился разговор. Старлею импонировали наглецы, так что тут я сыграл хорошо. А на выходе просто сорвался. На нервах был. Зря, конечно, но насчёт ответки я серьёзно. Арсеналы управления изрядные, даже несколько броневиков в гараже имелось, я успел их осмотреть сканером и решил подчистить их, полностью. В ответ за то, что пистолет прикарманили. Посмотрим дальше, может, злость и пройдёт.

Добравшись до дому, я первым делом затопил печи. Дом остыл, не хватало ещё, чтобы трубы водопровода полопались, но нет, к счастью, успел. Аня вечером будет, так что я всю одежду отправил в стирку, запах отбить, ну и сам попарился. Успел дела переделать, потом

достал из браслета мотоцикл с коляской и покатил за женой, не хотел на трамвае трястись. Аня знает: без меня госпиталь не покидать, я всегда встречу её. Москва сейчас с наступлением темноты опасна, разного криминала хватало. Я усадил жену в коляску, и мы вернулись домой. Закатив мотоцикл в амбар, я убрал его в браслет. О том, что ночь не дома провёл, я ей не сообщил.

Где-то за полночь, обнимая жену в постели, я наконец дождался, когда участковый отправился в туалет, а там гнилые доски подломились, и он утонул. Я помог, дальности работы амулета-помощника хватало. Я же говорю, всегда ответку возвращаю. Интересно, как именно жители нашего района будут описывать его гибель?

Следующие пару дней всё прошло нормально. Участкового похоронили, хотя то, как он погиб, всё ещё вызывает улыбки у некоторых горожан, слух действительно разнёсся. Я продолжал работать с бронетехникой, все тридцатьчетвёрки, которые забрал обратно у немцев, были мной вооружены и заправлены и вполне на ходу. Я только профилактику провёл. Ну и КВ-1 начал заниматься, пока парочку снарядил и к боям подготовил. Все эти танки имели окраску немцев и кресты, но перекрашивать я не стал, хотя бочки с нужной краской были. Сегодня у Ани ночное дежурство, так что я подготовился и, когда стемнело, на эмке, той самой, на которой в первые дни катался, направился к управлению НКВД. Дальше, используя амулеты, я пробрался на склад вооружения. Вернул свой «парабеллум» и выгреб патронов к нему, всё, что было, да пару ящиков гранат, после чего покинул здание и, добравшись до припаркованной на соседней улице машины, вернулся обратно. Не думаю, что моё посещение и пропажу заметят, значит, никто не пострадает, ну и желание вернуть своё удовлетворил, даже компенсацию получил.

Дома, устроившись на кровати, сон почему-то не шёл, я размышлял. Эта вся мышиная возня мне поднадоела. Хотелось активных действий. Пока немцы пытаются прорвать оборону, а наши держатся, стоит поработать по тылам противника. Повеселиться хочу, скучно мне, ещё погода эта угнетающе действует, хочу на море, на Мальдивы, к солнышку и золотистому песку. Поэтому я решил встряхнуть себя. Не скажу, что я такой адреналиновый маньяк, но встряска изредка мне требовалась, я это ещё по прошлой жизни заметил.

Утром, уложив жену спать, – световым днём я её не забирал, мы так договорились, сама добиралась, я сопровождал её только по ночам, – я позавтракал и уже собрался пройти в амбар, как раздался стук в калитку. Почтальон пришёл, принёс письмо от матери Анны из Новороссийска. Будить жену я не стал, оставил письмо на столе, на кухне. Аня проснётся и прочтает. Я прошёл в амбар, где продолжил работы. К обеду закончил со всеми КВ, набил уже руку. После обеда с женой провожу её и займусь Т-35А. Его обслуживать и снаряжать желательно в темноте. Причина была веской: он по длине в амбар не входил, из ворот часть будет торчать, или корма, или перед. А в темноте проблем нет, смогу установить пулемёты ДТ, шесть штук. Пополнить боекомплекты двух башен с сорокапятимиллиметровыми башнями и боекомплект главной башни с танковой трёхдюймовкой КТ-28. Остальное всё на месте. После этого танка у меня на очереди три Т-28, двенадцать Т-26, несколько БТ-7 и БТ-7М, потом броневики, тягачи с тракторами и автотехника. Всё в порядок приведу. По моим прикидкам, дней на пять работы. И можно отправляться. Теперь обдумать, как с женой поговорить, чтобы она отпустила меня, а ведь она не отпустит: собственница ещё та и беспокоится за меня. Подумаю, есть одна идея, стоит её проанализировать.

Я прошёл в дом и приготовил обед одним из потоков сознания, поставил чугунок на стол, стал расставлять тарелки. Время – второй час, я дал Ане поспать подольше, но разбудить не успел, как снова стук в ворота. Пришлось одеваться и выходить. Погода безветренная, сверху крупными хлопьями падал снег. Это снова был почтальон. Я открыл ворота и получил теле-

грамму на имя жены. На её новую фамилию. Я поблагодарил почтальона, расписался в получении и, вернувшись в дом, положил телеграмму к письму, после чего отправился будить жену.

– Ух, холодный какой. – Ответив на поцелуй, Аня потянулась и спросила: – С улицы пришёл?

– Да. Почтальон был, принёс письмо и телеграмму. Из Новороссийска. На столе на кухне оставил.

Радостно взвизгнув, Аня рванула на кухню, где сначала быстро пробежала глазами телеграмму, а потом стала вскрывать письмо. Я же заканчивал сервировать стол, поглядывая на жену, которая заметно хмурилась.

– Что-то случилось?

– Мои последние письма мама не получила, только первое. Она Дашу к нам отправила. Собственно, в телеграмме указан номер поезда, когда он прибывает в Москву и вагон.

– Ясно. Ну ничего, встретим.

– Да, встретим. – Продолжая читать письмо, Аня устроилась за столом и, посмотрев на тарелку, удивлённо протянула: – О-о-о, плов. Я же так растолстею, и ты меня разлюбишь.

– Ты по этажам в госпитале постоянно носишься, все калории сбрасываешь, так что можешь не опасаться за фигуру. Да и кормят вас там в госпитале не пойми чем, скорее в скелет превратишься с таким питанием. Ешь смело.

Жена улыбнулась и приступила к обеду, перечитывая письмо. Как она пояснила, в основном у них было всё в порядке, живы, госпиталь перебрался в Новороссийск и нёс службу, мать Анны покинуть его не могла, но отослала младшую дочку, всё же город временами бомбили. Это она ещё не знает, что в Москве происходит. По радио такое не услышишь, я сам новости узнаю от раненых, как у настоящих очевидцев. Там тоже информация процентов на восемьдесят верна, неточности бывают, но по радио или в газетах вообще информации нужной нет. Описывали, как живут, приветы передавали, порадовались замужеству, ну и обычные новости. Аня сообщила, что поезд прибывает через три дня вечером, но точное время неизвестно, расписание сбито. Придётся узнавать на вокзале, это на мне.

До вечера я пробыл с женой, мы слушали музыку, заводя патефон, договорились после следующего дежурства куда-нибудь сходить, в театр или оперу, они работают вопреки всему. А вечером она стала собираться в госпиталь, и я выгнал из амбара мотоцикл. Его уже я не прятал, всё равно слежки за мной больше не было. Доставив жену на место службы, вернулся обратно, проверил обстановку на подворье и в доме и, достав Т-35А, стал с ним работать. Потом занялся Т-26. Успел сделать шесть из двенадцати, что у меня были в наличии, отобрав самые лёгкие в восстановлении, там и требовалось-то что обслуживание, заправка да пополнение боекомплекта. Остальное на завтра.

За три дня я полностью закончил с танками, трофейными тоже, теми, что немецкие, проверил и привёл их в порядок, они теперь тоже в боевой готовности. Самоходки тоже считаю. И начал заниматься броневиками. Всего у меня было двенадцать пушечных и семь пулемётных. Это то, что из советской бронетехники, но также было восемь немецких броневиков, из них шесть пушечных, там автоматические пушки стояли, вроде мелкокалиберных зенитных. Да как на Т-2. И два броневика с зенитными пулемётами, счетверённые установки. Было ещё двенадцать бронетранспортёров. Из них десять «Ганомогов» и два похожих на них, но укороченной разведывательной версии. Успел ввести в строй три броневика, как пришло время ехать на вокзал. Банька натоплена, всё готово, Аня на работе и присутствовать при встрече не может, там аврал, немцы снова пытались двинуться, вал раненых пошёл, бои кипят страшные. Когда эшелон придёт, всё же это не пассажирский поезд, грузовой, эвакуировали промышленность, я уже узнал. В семь вечера должен быть. Не знаю, как Ольга Петровна смогла посадить дочь на этот поезд, в один из трёх пассажирских вагонов, где ехал персонал эвакуируемого завода, всё же эшелон относился к тем, что вёз особый груз. Видимо, имела нужные связи.

Я достал машину с полным приводом, и на ней поехал к нужному железнодорожному узлу. Высадки пассажиров на вокзале не будет, эшелон-то грузовой и проходной, дальше в тыл двигался, стоянка всего пять минут, но я договорился, что меня пропустят к нему. Так что встречу Дарью, и мы поедем домой. Там отправлю её в баню, после поездки это необходимо, и за стол, кормить. Сегодня я куриную лапшу сварил, а к чаю испёк перемячи, такие пирожки по-татарски. Когда Анна освободится, она и сама не знала, может, вечером, может, завтра. Я просил её не переживать, пусть переночует в госпитале, а завтра я заберу её.

Добравшись до железнодорожных путей, оставил машину в стороне и дошёл, куда должны поставить эшелон. Ждать пришлось минут сорок, эшелон задержался из-за того, что пропускал санитарный поезд. Благодаря амулету климат-контроля я чувствовал себя неплохо, хотя сильный ветер так и желал выстудить, но я лишь ворот шинели поднял. Не спеша подойдя к вагону, где толпился народ, стал высматривать Дарью. Мелькали лучи фонариков, всё же темень вокруг. Ещё и снегопад начался, но это не помешало мне рассмотреть девушку, похожую на мою жену, и на всякий случай уточнил:

– Дарья?

– Да. А вы Кирилл?

– Да. Аня не могла приехать, в госпитале срочная работа. И можно на «ты».

Приняв чемодан и баул и поставив их на снег, я протянул руки и помог младшей сестричке моей жены спуститься из вагона, всё же высоко было, после чего вручил ей свой фонарик, чтобы она себе подсвечивала, и, подхватив вещи, держа их в одной руке, опираясь второй на трость, направился обратно к машине, размышляя. Теперь мне понятны такие задумчивые взгляды Анны. Она мои вкусы прекрасно знала, и Дарья явно в моём вкусе. Она была более молодой копией Анны.

Идти я старался побыстрее. Дарья одета явно легко, не для нашего климата, ветер ещё, поэтому и торопился довести её до машины. Всего пассажирские вагоны покинуло человек двадцать, видимо, как и Дарья, попутные пассажиры. Куда они делись, я не смотрел, снежная круговерть скрыла.

Мы дошли до машины, и, пока я убирал вещи на заднее сиденье, девушка устраивалась на переднем. Запустив движок и вырулив на нужную улицу, мы покатали в сторону дома. Ехали молча, я видел, как Дарья устала, у неё явно мечта – добраться до постели и спать, спать, спать, так что не нагружал её. А когда мы подкатили к нужному перекрёстку, я, благодаря сканеру, определил, что Аня едет к нам, видимо, всё же смогла отпроситься или, возможно, закончила, так что я остановился у остановки, и вскоре из трамвая выпорхнула с другими пассажирами Аня. Посигналив и мигнув фарами, я подъехал. Дарья, узнав сестру, выскочила из машины и обняла её, я тоже вышел наружу и терпеливо ожидал, когда они успокоятся, заодно переложил вещи на переднее сиденье. Моя догадка оказалась верна, сёстры сели сзади, вместе, обмениваясь новостями, перебивая друг друга. Загнав машину в амбар, я отправил девчат в баню, а сам остался по хозяйству.

Потом, когда мы втроём сидели на кухне, девчата продолжали щебетать, и я услышал, что Дарья собирается закончить школу, у неё последний класс был, десятый, а потом она планировала в медицинский поступить. Семейная традиция. И я сказал Дарье:

– Планы у тебя хорошие, но есть небольшая проблема. – Я показал пальцами размер этой проблемы, между ними было не больше сантиметра. – Немцы неподалёку, и зимой на территории столицы развернутся уличные бои. То есть город по факту превратится в развалины. Школы и университеты работать не будут. Тут станет очень опасно. Смертельно.

– Но вы же писали... – Даша расстроено посмотрела на сестру.

– Я поспешила, – призналась Аня. – Кирилл прав. Но мы останемся здесь. Уже был составлен список госпиталей, которые начнут эвакуировать в тыл в ближайшее время, и нашего госпиталя там нет. Он останется тут со всем персоналом. Уже подготавливаются подвалы, где

он вскоре развернётся. Поэтому я остаюсь в Москве, Кирилл тоже, так как не хочет меня бросать.

– Придётся вступить в силы самообороны, – кивнул я, подтверждая. – Хотя я предпочёл бы вас связать, закинуть в машину и увезти.

Посмотрев на кулак, который мне показывала Аня, я поцеловал его и, насмешливо подмигнув Дарье, услышал её вопрос:

– И скоро немцы здесь будут?

– Неделя, максимум две. Я вообще удивлён, что их ещё нет на окраинах, должны быть. Видимо, оборона наших войск настолько ожесточённая, что немцы несут большие потери. Кстати, солнышко, – повернулся я к жене, – у меня есть для тебя новость. Не знаю, хорошая или нет.

– Говори, – нахмурилась Аня.

– Я знакомого встретил, под Минском рядом стояли, майор-танкист. Он из госпиталя, сильно обгорел, но вроде восстановился. Он из трофейной техники бронегруппу собирает, экипажи из госпиталей, их уже прозвали «командой инвалидов». Группа должна прорвать фронт и уйти в тыл немцев, атакуя там их колонны и нанося чувствительные удары. Это всё афёра, фактически ни армия, ни госбезопасность об этом не знают, всё подготавливается втайне, иначе не отпустят, так что участие там для тех, кто согласился, ничего не даст, ни наград, ни признания. Никто о нас не узнает. Идут только добровольцы. Планируется пять дней, всё равно топлива и снарядов на большее не хватит. Мне предложили принять под командование два броневика с зенитными установками. Раз Дарья здесь, она сможет присмотреть за домом и тебе помогать. Пять дней, солнышко.

– Нет. – Ответ был короткий и категоричный.

– Жаль. Я уже дал согласие. Завтра утром отбываю.

Аня заплакала, склонив голову. Дарья, вздохнув, стала её утешать, а потом увела в нашу спальню. Причём я видел, что она меня поддерживала, но сестру жалко было больше. Для нашей гостьи кровать была подготовлена в горнице рядом с печкой, но, похоже, спать мне сегодня придётся одному. Хотя нет, чуть позже меня позвали, и Дарья ушла к себе. У нас было прощание, всё же пять дней, а я думаю, и больше.

Утром Анна показывала Дарье хозяйство. Жена сегодня до вечера оставалась дома. Я же оделся в красноармейскую форму без знаков различия, сверху – телогрейка, потом шапка-ушанка и унты. Прихватил сидор с мелкими вещами, но это больше для виду. И, попрощавшись, попросив меня не провожать, похромал к трамвайной остановке. Как сообщить Ане, что я собираюсь отправиться воевать, я не нал, но приезд Дарьи и совместный ужин позволили прямо в лоб это выдать. Ничего, Аня девочка сильная, приняла это, не требовала не рисковать, просто попросила вернуться. Живым.

Метель не унималась, и я мог достать боевую машину прямо посередине проезжей части, вряд ли кто это и заметил бы, но всё же рисковать не стал и нашёл укромное место, что труда не составило. А достал я БА-10М, пушечный броневик. Мне нужна была практика его использования. Закинув сидор в кольцо, я забрался внутрь боевой машины, устроился на месте командира, шапку сменил на шлемофон и, закрывшись, запустил двигатель. На месте мехвода и заряжающего теперь мои «руки» амулета-помощника. Броневик затарахтел мотором и, строившись с места, уверенно покотился по улицам к выезду из Москвы.

Столицу уже начали перекрывать, несколько недель шло строительство дотов, дзотов, разных укреплёнок, часть улиц готовили к баррикадам, свозя противотанковые ежи, посты чуть ли не на каждом перекрёстке. Но передвигаться можно, особенно на броневике, на который особо не обращают внимания. На выезде я пристроился к грузовой автоколонне и покотился за ней. Из-за плохой дороги двигалась она медленно, к тому же днём авиации противника можно

было не ожидать. Колонна, конечно, для меня отличная маскировка, но мне надоело тащиться за ней, тем более сканер прекрасно всё вокруг показывал. Так что, обогнав по обочине машины, двадцать три их было, а в прикрытии, во главе колонны – пулемётный броневик, я двинул вперёд уже в одиночку. Однако заметил, что и колонна увеличила ход, пристроившись за мной. Если раньше она шла максимум двадцать километров в час, то сейчас держала мою скорость – чуть больше сорока. Видимо, решили меня использовать как паровоз. Думаю, водителям понятен этот термин. Ничего, я лично не против, тем более они меня всё так же маскируют.

Двигались мы по трассе на Волоколамск. Часто встречались усиленные пулемётами и иногда пушками посты, но нас не останавливали, явно о колонне были предупреждены. Не доезжая до города Истры, который немцы недавно заняли, я ушёл в сторону и прямо по заснеженному полю направился к окопам, отлично их видя. Противотанковой артиллерии у наших вблизи не обнаружил, даже лёгких пушек нет. Точнее, они были, три сорокапятки, но там, где я отметил место пересечения передовой как у нас, так и у немцев, для них была мёртвая зона. Хотя у бойцов были противотанковые ружья, правда мало. Но всё равно могли по мне пальнуть. Значит, надо договариваться.

Стронув броневик с места, я проехал ещё полтора километра и скатился в низину. Тут покинул бронемашину, убрал её в браслет – больше она мне не нужна, дальше уже трофейная техника потребуется – и, прихрамывая, также с тростью в руке, направился к блиндажу штаба батальона, как я его определил.

Метров четыреста пришлось идти по полю, где иногда свистели пули – это немцы постреливали для профилактики, но я не опасался, защита активна. При приближении к окопам у блиндажа я услышал спор бронбойщиков – был шум двигателя или нет. Пришлось прервать их. Выходя из круговерти пурги, я зычно скомандовал:

– Бойцы, проводите меня к командиру!

Те аж вздрогнули, когда я появился, и схватились за оружие. Но я прикрикнул:

– Отставить! – И уже спокойнее разрешил их спор:

– И шум двигателя вам не слышался.

Старший, по треугольникам на шинели – младший сержант, строгим голосом спросил:

– Вы кто?

– Прохожий. У нас тут через позиции вашей части планируется прорыв в тыл противника, нужно обсудить это с вашим командиром. Это батальонный КП, я не ошибся?

– Ошиблись. Штаб полка у нас здесь.

– Хм, так даже лучше. Куда идти?

Сам сержант и проводил меня. Он заглянул в блиндаж и доложил, что к ним вышел неизвестный, комполка требует. После этого пропустил меня. В блиндаже было с десятков военных, в основном командиров, и старшим тут явно был майор с хроническим недосыпом. И как только я спустился в освещённый керосинками блиндаж, он спросил грубым тоном:

– Кто вы?

– Кто я? – переспросил я, пожал плечами и, подойдя к буржуйке, грея руки, сказал: – Сейчас уже и не знаю, раньше был лейтенантом, командиром зенитной батареи, потом ранение, после чего меня подчистую списали. Теперь меня можно уверенно называть военным инвалидом, как бы обидно это ни звучало. Вы ещё наверняка не слышали о «команде инвалидов», но, надеюсь, мы прославимся. Один майор-танкист, тоже, как и я, комиссованный, обнаружил на одном из ремонтных заводов в Москве трофейную бронетехнику, часть даже на ходу и боеспособна. Он смог организовать её восстановление и практически из ничего создал танковую группу из полутора десятка танков и бронетранспортёров. Все трофейные, в немецкой раскраске и с крестами. После этого он стал искать людей в экипажи. Набирал таких же инвалидов. Так и была создана эта «команда инвалидов». Мы уходим в рейд в тыл немцев, будем

уничтожать их колонны. Техника стоит у вас в тылу, майор отправил меня договориться о безопасном пересечении передовой.

– Почему он сам не подошёл? – поинтересовался майор. – И кто он такой? И почему нам не сообщили из штаба дивизии?

– Не знаю, как его зовут. Я с ним ещё под Минском встречался, а здесь он меня узнал. Фамилия его то ли Васин, то ли Васечкин. Он обгорел так, что смотреть страшно, носа почти нет, поэтому и использует меня для переговоров. А то, что из штаба дивизии не сообщили, то там не в курсе, никто о нас не знает, это всё организовано силами фронтовиков. На добровольных началах.

– Все добровольцы? – спросил один из лейтенантов, явно особист, в форме политрука.

– Конечно, – повернулся я к нему и, посмотрев прямо в глаза, добавил: – Идут инвалиды, у кого нет ног или других частей тела, и выбраться из горящей машины они не смогут. Это смертники, шансов вернуться у них никаких, и они это прекрасно понимают, поэтому драться будут до последнего, пока не погибнут.

– Когда идёте? – привлёк к себе внимание комполка.

– Чем быстрее, тем лучше. Желательно прямо сейчас. Пурга нас скроет, позволив углубиться в тыл. Если хотите, мы можем проутюжить позиции немцев, а вы следом за нами их захватите. Если не боитесь вести бой при ограниченной видимости.

– Не боимся, – криво усмехнулся тот. – Ради освобождения нашей земли на всё пойдём, а то всё пятимся и пятимся. Надоело.

Комполка согласился участвовать в атаке и отправил вестовых комбатам, так что началась подготовка, и мы обговорили, где пойдут танки. Покинув блиндаж, я направился в тыл полка, нужно достать из браслета технику и устроиться в одном из танков. Но, как назло, за мной увязался особист. Не хватало мне ещё свидетеля. Пришлось скрыться в пурге, и он меня удачно потерял.

Отойдя в сторону, я стал по одной единице доставать технику, сразу беря амулетом-помощником её под контроль. Мои магические экипажи обустроивались в машинах. Образно говоря, всё же они бестелесные, но маховики наводки или боеукладку проверяли. Точнее, я проверял, всё же это были мои параллельные сознания, что ими управляли. За последнее время активной эксплуатации амулета я смог держать уже тридцать два распараллеленных сознания, что мне изрядно помогало в работах, скоро и до тридцати трёх дойдёт. Я достал пять немецких танков Т-III, две самоходки и два гусеничных бронетранспортёра, пока для видимости хватит, тем более всю технику из-за снега всё равно бойцы полка не увидят, а мне главное – засветить хоть что-то.

Устроившись на месте командира одной из троек, я, мысленно управляя, стронул технику с места. Она уже минуто тарахтела на морозе, выпуская сизые облачка дыма. Хорошо, что завелись все машины, до этого я их не проверял.

Когда мы приблизились к окопам, я специально проехал на своём танке рядом с блиндажом КП штаба полка, чтобы засветить бронемашину, и, перевалив через окопы, устремился вперёд. Остальная техника шла цепью на дистанции пятидесяти метров друг от друга. Немцы забеспокоились, они не могли не слышать рёв танковых моторов, так что стали взлетать осветительные ракеты – ага, днём, во время сильного снегопада, но это им не помогало. И они, покидая блиндажи, растекались по окопам, занимая огневые позиции. Заработали пулемёты, на всякий случай отсекая возможную атаку. Артиллеристы молчали, целей не видели, а вот миномёты захлопали. Благодаря сканеру я отлично видел всю линию немецких позиций, так что, замирая на коротких остановках, танки посылали вперёд снаряд за снарядом, пулемёты же пока молчали, рано им. Самоходки работали по артиллерии, которая была на прямой наводке. Все свои бронемашины я чувствовал как продолжение рук и мгновенно реагировал на любое изменение ситуации.

Поначалу было очень сложно вести бой на разной технике, и я периодически мазал, никак не получалось нормально взаимодействовать с моим артиллерийским планшетом в виде пряжки, всё же теория отличается от практики. Но постепенно нашёл, в чём ошибки, и дальше снаряды летели всё точнее. Третий боекомплект выпустил, когда отметил, что уже не мажу. У меня что в танках, что в самоходках было восемьдесят процентов осколочно-фугасных снарядов, остальные бронебойные, что пока без надобности. В результате я на километр и даже дальше выбил на немецких позициях все пулемётные точки и артиллерию, всё же снаряды довольно далеко летят, так что никто мне в борта снаряд не всадит, убрал я эту проблему, и сканер это точно подтвердил.

Наконец мы достигли окопов. И если самоходки замерли, поводя стволами, выискивая опасность, изредка отправляя осколочные снаряды в скопления живой силы противника, то танки не то чтобы утюжили окопы, я не хотел, чтобы кто-то провалился и застрял, а двигаясь над окопами, пулемётами очищали их. Когда наша пехота достигла немецких позиций, то они на семьсот метров в ту и другую сторону были неплохо почищены, так что бойцы спрыгивали в окопы и проводили уже окончательную зачистку и осмотр. По моим прикидкам, только моей группой было уничтожено больше трёхсот пятидесяти немцев. У них, похоже, тоже недостаток резервов, мало солдат было на такую территорию.

Всё это в опыт, и этот небольшой бой ясно показал моё преимущество перед немцами. В условиях плохой видимости, в такую вот непогоду или ночью, если они не будут пускать осветительные ракеты, я их просто расстреляю до того, как они вообще поймут, откуда по ним бьют. Да и ночью, находясь на отдалении, смогу прицельно бить. Главное – после каждого выстрела позиции менять, а не то подловят. Сейчас же, пока два моих танка утюжили две позиции миномётчиков и гоняли тылы – кухни и полковой склад вон захватили, я подкатил к пехотинцам и отыскал командира, судя по трём кубарям в петлицах шинели, комбата. Открыв боковой люк башни, я высунулся и, перекивая шум мотора, прокричал ему:

– Мы закончили! Полтора километра немецких позиций проутюжили, уходим дальше! Тылы немцев заберите, мы их захватили, склад и кухни! Удачи!

– Спасибо, – услышал я его ответ и заметил прощальный взмах руки.

Захлопнув люк и развернув танк, я покатил к дороге, забирая с собой остальную бронетехнику, что, к счастью, нормально пережила бой. На дороге я вылез наружу и убрал оба бронетранспортёра в браслет, они больше не нужны, в массовке сыграли – и хватит. Из боевых же отсеков другой техники через открытые люки стали вылетать пустые гильзы от снарядов, перезаряжалось всё оружие. Не думаю, что пехотинцы останутся здесь, с противником по бокам, скорее всего, соберут всё, что могут, из трофеев и вернутся обратно. А может, и нет, если командир подкрепление пришлёт и сможет развить прорыв. Было бы чем. По сути, путь в немецкий тыл открыт, и немцы это тоже понимают: благодаря сканеру я увидел, как из деревушки, стоящей при дороге в трёх километрах отсюда, в которой находилось около роты пехоты и другие части, да зениток хватало, и где, судя по технике, располагался штаб полка, выезжает к месту боя колонна. Похоже, немецкий командир сюда резервы перекидывает. Рядом с деревенькой находилась гаубичная батарея, наши двадцатидвухмиллиметровые пушки. Неподалёку стояла автотехника и тягачи, что их буксировали. Полноценная батарея из четырёх орудий. А вот и первые трофеи. Там поаккуратнее надо будет.

Колонна из шести грузовиков, бронетранспортёра и двух броневики, причём один был наш, пушечный БА, была встречена мной на полпути. Броневики мне понравились, грузовики с пехотой – нет. По снаряду в кузовах, и пулемётами прошёл, добывая. А вот бронетехнику я целой захватил, просто заблокировал управление и вооружение, вырубив экипажи. Ведь мои «руки» амулета-помощника могут и как кулаки работать, удар по голове – и в ауте. Потом открыл люки, выбросил их наружу и убрал технику в один из браслетов, который я подготовил как раз для упаковки трофеев. Он ещё пуст. Всё это я проделал, сидя в танке, выбирался лишь

однажды, чтобы трофеи отправить в браслет, тут нужно лично касаться того, что хочу убрать, ну, или достать. Немцев из экипажей броневиков я добил, уже лично, не хочу никого в живых оставлять.

Сначала я решил захватить и убрать на склад гаубичную батарею, однако, приблизившись и изучив её, понял, что она мне не нужна. У каждого оружия есть свой ресурс, и, естественно, он конечен. Когда он заканчивается, оружие или списывают, или отправляют ремонтникам, которые приводят его в порядок, меняют стволы и изношенные элементы механизма. Эти орудия, видимо, были захвачены в начале войны и активно эксплуатировались. Когда только успели до такого состояния довести, насколько я помню, стволы этих орудий могут до семи тысяч снарядов выпустить, пока не потребуется замена ствола. Вроде не сильно ошибся. И этот хлам мне не нужен.

А с батареей я разобрался за двадцать минут. За триста метров бронбойными снарядами, хватило по одному, я просто расстрелял казённые, приведя их в негодность, дальше пусть сами мучаются с этим металлоломом, после этого осколочными снарядами прошёлся по землянкам и стоянкам техники и двинул к ним. Выжившие артиллеристы пытались бежать, думая, что спасутся в пурге, но они ошибались. Никто не ушёл, всё поле теперь было усеяно трупами. Пулемёты хорошо поработали. А трофеи всё же были: оружие – в основном пулемёты, несколько автоматов и пистолеты; чуть в стороне, в небольшом овражке, были складированы ящики со снарядами к орудиям, по виду, два боекомплекта, а у меня такие системы в запасе имелись, так что снаряды пригодятся. Прибрав всё, направился к деревушке, где меня уже явно ждали. Поняли по звукам боя, что происходит. Вон как суетятся у пушек на окраине. Однако воевать будем по моим правилам. Их оборона у меня на прицеле, буду бить издалека, чтобы даже вспышек выстрелов противник не видел.

Танки и самоходки замерли в полукилометре от окраины деревни, нащупывая цели – я отчётливо видел две одноствольные зенитки, две противотанковые пушки и ещё две подвозили, торопливо разворачивая на позициях. Не знаю, возможно, я сглупил, достав именно тройки, всё же калибр пушек у этих танков мелковат, хотя мощность осколочных снарядов если не больше, чем у сорокапятки, то сравнима, а у четвёрки калибр больше, и использовать их против пехоты предпочтительнее. Именно так, тройки и создавались против бронетехники, тогда как четвёрки имели более универсальное назначение и отлично работали и по пехоте. Они должны были прорывать оборону, уничтожая противотанковые средства. Однако ничего менять я не стал, меня вполне удовлетворяли боевые качества троек, тем более в прикрытии с самоходками подразделение как раз и становилось универсальным.

Убедившись, что цели распределены, я дал залп. Танки били осколочными по зениткам, а самоходки двумя залпами разметали противотанковые пушки. И теперь я на предельной скорости рванул к деревне. Тройки шли без остановок, самоходки же дважды давали «короткую», чтобы прицельно выпустить снаряд по той или иной цели. Они снесли пулемётный пост, поразили штабной броневик, который сейчас ярко полыхал, и разметали несколько групп пехотинцев, стекавшихся на эту сторону деревни для укрепления обороны. Однако было поздно, да и практически невозможно. Десяток танковых МГ троек работали не переставая и, что важно, очень прицельно, патроны наугад не выпускались, только по цели. Разойдясь на дистанцию сорок метров между бортами, танки ворвались в деревню и, уверенно двигаясь по улице или по огородам, изредка подминая заборы, благо снег неглубокий был, едва по колено, стали зачищать её. Самоходки в это время, повернув, стали обходить деревню, чтобы перекрыть бегство немцев. Причём их только слышно было, продолжавшийся снегопад хорошо скрывал их. К тому же самоходкам нужно расстрелять с той стороны, куда мы двигались, противотанковые средства. Пушек уже не было, единственную батарею мы на ноль помножили, но оставались зенитки, которые и нужно уничтожить.

Самоходки уже вышли на позицию и открыли огонь. Сначала поразили две легковушки, пытавшиеся скрыться в сопровождении штабного автобуса, к слову, нашего, а потом и зенитки разметали. Тем более время у них было: немцы направили стволы вглубь деревни, ожидая танки, а снаряды полетели со спины. Немцы ещё пару раз пытались прорваться на технике, но и она заполыхала.

Танками я работал очень аккуратно, стараясь прикрывать соседние машины, если немцы устраивали засады с целью закидать гранатами или мину кинуть на машинное отделение. Тут хоть и не фронтовики были, штабные, но храбрецы встречались, однако я не дал шанса ни одной попытке противостоять мне. Причём, помня и зная о местных жителях, пусть их и немного, старался стрелять так, чтобы их не зацепить. Например, можно было срезать перебегающую через улицу группу немцев, но на траектории полёта пуль дальше был сарай, где прятались гражданские, там были и дети, поэтому пулемёты молчали, а немцев я в другом месте перехватил. И так было несколько раз. Так что я могу уверенно сказать, что потери среди гражданских если где и были, то не по моей вине, к сожалению, противник на них как раз не обращал внимания, палил напропалую, таких я уничтожал с особым удовольствием. Удрать смогли едва десятка два человек, самоходки ещё стреляли им вслед, жаль, на них пулемётов нет, никто не ушёл бы.

Задерживаться в селе я не стал, пусть гражданские недоумевают, что это было, понятно, что Красная армия пришла и сразу дальше ушла, но это только догадки. Из строений я всего два дома и один сарай повредил, по паре осколочных снарядов пустил, там немцы засели. Отъехав от деревеньки на километр, я встал на дороге. Требовалось сменить два танка. Причина была в их ходовой, вскоре встанут. Дело в том, что на одной из улиц техника стояла – грузовики, штабные машины, легковушки, мотоциклы. Немного. И эти два танка сделали из них блины, что плохо сказалось на ходовой. Подумав, я решил заодно заправить и пополнить боекомплект машин. Тем более на самоходках уже по десятку снарядов осталось. Так что достал ящики со снарядами и патронами и, пока всё пополнялось, обошёл обе повреждённые машины. Всё же менять я их не стал, а решил получить дополнительный опыт ремонта и прямо на дороге, можно сказать, на ходу, провёл необходимый ремонт. Что хорошо с этим амулетом-помощником – он мог влиять на металл, правда, это требовало сосредоточенности, но не страшно. Я устранил все повреждения, у других машин провёл техобслуживание и остался доволен, моя группа снова в полной боевой готовности.

Вся работа заняла от силы полчаса, и едва я закончил, как засёк сканером, что с тыла в сторону деревни, гудя моторами, идёт мощная бронегруппа. Я так понимаю, немцы уже сообщили всем, кому можно, о прорыве советских танков. Вот, видимо, сюда и прислали запасные подразделения. Интересно, они рассмотрели, что это бывшая их техника? Если и нет, то могли по шуму двигателей и звуку пушек определить. Это нетрудно, у каждого типа техники свой звук, и опытные фронтовики свободно определяют их.

С помощью сканера я осмотрел всю вражью технику на предмет трофеев. Набитые пехотой грузовики меня не привлекали, сложно их брать так, чтобы они целыми остались, проще расстрелять, но разная бронетехника очень даже интересовала. А она в колонне была. Немцы смогли сформировать довольно мощную силу поддержки: тридцать девять грузовиков, которые перевозили полнокровный батальон; две батареи противотанковых пушек; батарея лёгких полевых гаубиц, их почему-то буксировали не грузовики, а советские лёгкие тягачи «Комсомолец», и боекомплект к ним был в трёх грузовиках; четыре «Ганомага», у одного стояла спаренная пулемётная зенитная установка; штабной броневик с антенной, но без вооружения; два танка тип «два», одна тридцатьчетвёрка, не перекрашенная, но поверх звёзд намалёваны большие кресты, чтобы издали было видно, вероятно, недавний трофей, камуфляж зимний; ну и самое ценное – шесть самоходок наподобие моих. И я прикинул, что из выше перечисленного прибрать к рукам. Гаубицы тоже неплохи, сами немцы их хвалят, состояние среднее, но

ещё долго прослужат, можно брать вместе с тягачами и грузовиками с боеприпасом. В общем, решено, работаем выборочно.

Я съехал с дороги и, удаляясь в поле, направился навстречу колонне. Захват бронетехники произошёл для немцев незаметно. Для начала я вырубил все экипажи самоходок: по очереди накинул удавки и сломал им шеи. Работа не быстрая, но я справился. После этого самоходки под моим управлением свернули в поле, где была низина, и встали там. Также и с тридцатьчетвёркой, от тел потом избавлюсь, а вот двойки меня не интересовали, слишком изношены. Да и вообще я удивился их наличию, думал, их в первые месяцы войны все выбили, ан нет, вон, ещё коптят небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.